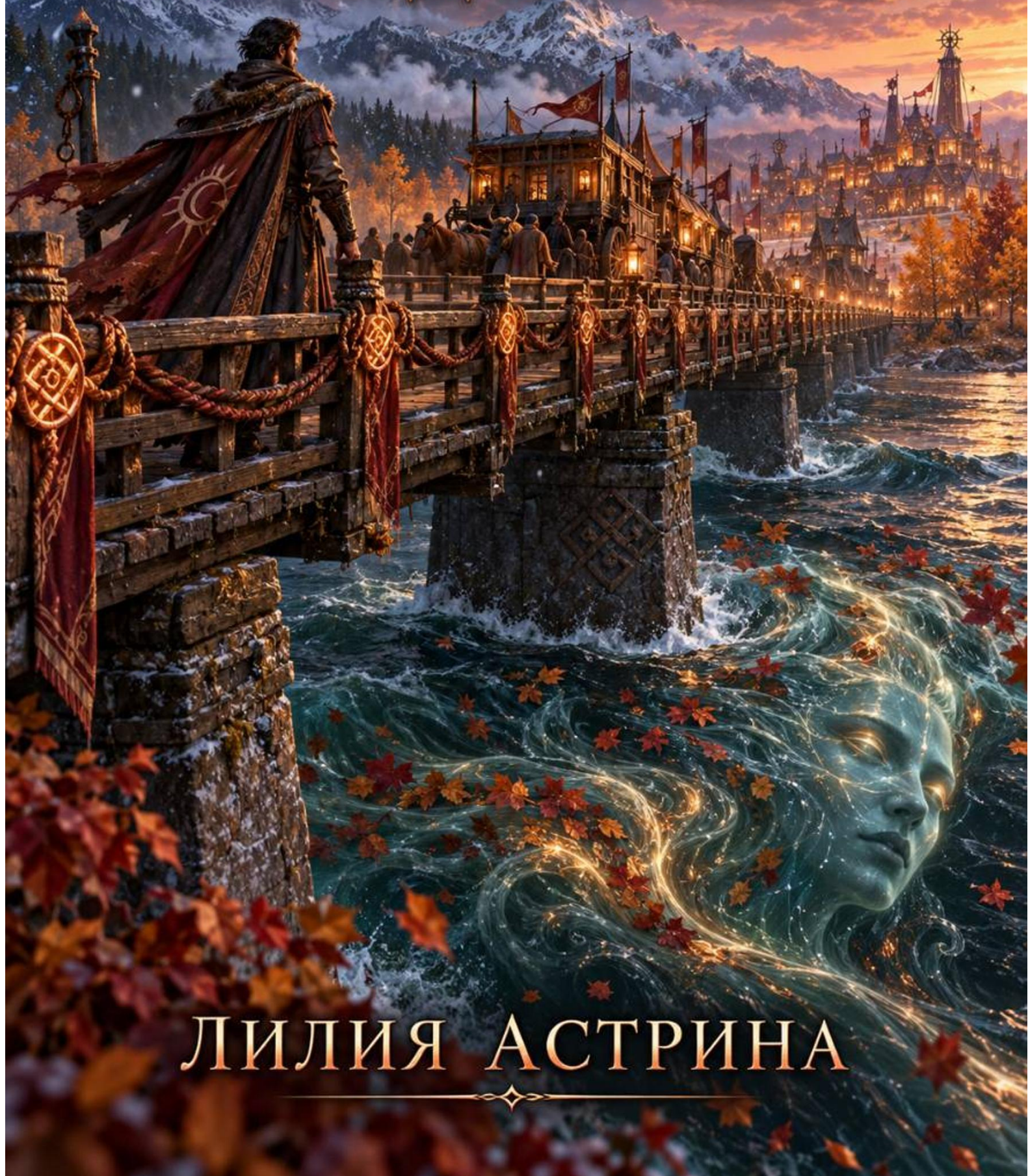

МОСТ ПЕРЕД СНЕГОМ

ЛИЛИЯ АСТРИНА

Лилия Астрина

Мост перед снегом

«Автор»

2026

Астрина Л.

Мост перед снегом / Л. Астрина — «Автор», 2026

Каждую осень Листоград разбирает дома и переезжает на другой берег. Единственный мост удерживает смотритель Арден, связанный с речным духом пожизненным договором. Расторгнуть его нельзя — можно только переписать на живого преемника. Когда наместник Савер скупает долги горожан и находит способ навязать договор девятнадцатилетнему ученику Ардена, привычная цена спасения становится неприемлемой. До первого снега нужно перевести больных, мастерские и целые кварталы, повернуть мост к размытому берегу и доказать древнему духу: общий путь не обязан держаться на одной отданной жизни. «Мост перед снегом» — самостоятельный фэнтези-роман о наставнике и взрослом ученике, свободе согласия, памяти реки и городе, который учится делить не только спасение, но и ответственность.

© Астрина Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Город снимается с места	6
Глава 2. Ученик на перилах	12
Глава 3. Цена одного перехода	18
Глава 4. Наместник собирает расписки	27
Глава 5. Договор без выхода	35
Глава 6. Дом на колёсах	42
Глава 7. Девятнадцать лет достаточно	50
Глава 8. Долг матери	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лилия Астрина

Мост перед снегом

От автора

Город можно перенести на новый берег. Дом — разобрать, печь — остудить, балки — уложить на колёса, книги — спрятать от речной сырости. Труднее перенести обязанность, особенно если прежние люди привыкли отдавать её тому, кто моложе и меньше умеет отказываться.

Эта история — о мосте, который нельзя просто разрушить, и о договоре, который нельзя отменить удобным решением. Его можно только прочесть честнее, чем читали раньше. Для этого наставнику придётся признать: защищать взрослого ученика не значит выбирать за него, а добровольный риск не превращает несправедливую ношу в хорошую.

До первого снега остаётся тридцать дней. Листоград должен перейти реку целиком. Каждый день будет уносить часть времени, каждый квартал — добавлять вес мосту, а каждое чужое обещание потребует точного ответа: кто его дал, что получил и вправе ли передать дальше.

Мост выдерживает не потому, что один человек сильнее всех. Он держится, пока люди знают, какую часть пути обязались поддержать сами.

Глава 1. Город снимается с места

Первый лом ударил по дому на рассвете.

Не потому, что хозяин торопился разрушить жильё. В Листограде ломом начинали осень так же буднично, как в других городах начинали жатву или топили первую печь. Старший плотник поддел железным носом крашеную доску, двое соседей поймали её, прежде чем она грохнула на мостовую, а хозяйка провела мелом по оборотной стороне: улица Красильщиков, дом восемь, северная стена. Весной эту доску снова поставят на место. Возможно, уже на другом берегу и под другим углом к солнцу.

Арден услышал удар из будки смотрителя и положил ладонь на холодный камень подоконника.

— Рано, — сказал он.

На крыше зашуршал Нель. Его сапог показался над карнизом, потом исчез. Через мгновение ученик свесился вниз головой, держась коленями за скобу водостока.

— Колокол был.

— Колокол был один раз.

— Для рассвета одного достаточно.

— Для разбора западных стен — три.

Нель подтянулся и пропал на крыше. Оттуда донеслось:

— Скажи это Красильщикам. Они за ночь успели снять ставни у половины улицы.

Арден вышел наружу. Воздух пах мокрой корой, печной золой и рекой, которая к осени становилась почти чёрной. На противоположном берегу ещё держался туман. Сквозь него не было видно места, куда через месяц должен перебраться весь город: ни длинной гривы холма, ни кольев будущей площади, ни красных флажков землемеров. Только край моста уходил в белизну и обрывался там, словно Листоград собирался переселиться не на другой берег, а в пустоту.

На нынешнем берегу пустоты, наоборот, не осталось. Улицы заполняли телеги, воротки, полозья и низкие платформы с колёсами шире человеческого роста. На площадях сортировали балки. С крыш спускали желоба. Каменщики вынимали из печей пронумерованные изразцы и заворачивали их в солому. Даже голубятни снимали целиком: клетки висели на подъёмных рамах, а птицы сердито толкались внутри, не понимая, почему земля внизу вдруг стала ненадёжной.

Раз в год Листоград признавал очевидное: никакой дом не прирос к месту навсегда.

Арден спустился по трём ступеням к первому устою моста. Здесь городская мостовая заканчивалась плоской гранитной плитой, в которую были врезаны семь медных гнёзд. Шесть пустовали. В седьмом лежал прошлогодний ключ — железный стержень длиной с локоть, обвитый потемневшей медью.

До первого снега оставалось тридцать дней.

Так утверждал городской снегомер, человек осторожный и потому никогда не обещавший погоду точнее, чем на месяц. Но Арден доверял не его дощечкам. Ночью вода трижды толкнула нижние сваи снизу, хотя ветра не было. Листья ивы легли на течение серебристой стороной. А на рассвете камень под ладонью оказался холоднее воздуха.

Омутник просыпался.

Нель спрыгнул с крыши будки, не пользуясь лестницей. В руках у него была связка длинных бронзовых игл, за поясом торчал молоток, а волосы собрали всю паутину с чердачного окна.

— Семь, — сказал он.

— Что семь?

— Раз ты молчишь, я решил сам выбрать, сколько правил нарушил до завтрака.

— Пока четыре. Не лъсти себе.

Нель протянул ему иглы.

Арден пересчитал. Двенадцать. Все сухие, прямые, без зелёного налёта. Ученик умел готовить инструмент, даже когда собственный вид свидетельствовал об обратном.

— На западной стороне третью серьгу ведёт, — сказал Нель уже серьёзнее. — Я подтянул на четверть оборота, но дальше не стал. Под ней будто доска разбухла.

— Там нет доски.

— Вот поэтому и не стал.

Арден посмотрел на него. Нель не улыбался.

Они пошли на мост.

Первые сорок шагов мост казался обычным: широкие дубовые плахи, каменные быки, перила из чёрной лиственницы. По нему могли рядом проехать две тяжёлые платформы. На столбах белели прошлогодние зарубки высоты груза. Между ними висели верёвочные петли, за которые жители держались во время ветра. Но дальше начиналось то, чего не умел объяснить ни один приезжий строитель. Расстояние между берегами менялось каждую осень, а мост всё равно доставал до нового места. Каменные быки вставали со дна и шли под водой. Доски прибавлялись не из воздуха — их заготавливали плотники, — однако готовый пролёт всегда оказывался длиннее суммы отмеренных плах.

Город говорил: мост растёт.

Арден говорил: мост берёт недостающее у того, кто держит договор.

Где именно он это берёт, Арден предпочитал не обсуждать до завтрака.

У третьей серьги Нель присел и коснулся крепления костяшками пальцев. Серьгой называли медную полосу, охватывавшую боковую балку. Сейчас она выгнулась, словно под ней действительно набухло дерево, хотя между полосой и балкой оставался палец пустого воздуха.

— Вчера прилегала, — сказал Нель.

— Вчера мост спал.

— А сегодня решил растолстеть?

Арден вынул из связки тонкую иглу и провёл остриём по меди. На поверхности проступила тёмная черта. Она изогнулась, ушла под крепление и появилась с другой стороны.

— Узел поднялся, — сказал он.

— Сам?

— Нет, прислал прошение в управу и дождался разрешения.

Нель фыркнул. Арден велел ему принести соляную воду и остался у серьги один.

Под мостом медленно вращался круг листьев. Река несла их вниз, но у третьего быка они всякий раз сворачивали, описывали полный оборот и только потом продолжали путь. Среди жёлтых и красных листьев попадались совсем зелёные, сорванные раньше срока. Арден считал круги, пока вода не толкнула опору снова.

Удар пришёл снизу, тяжёлый и недовольный.

— Слышу, — тихо сказал Арден.

Река ответила плеском у дальних свай.

Он знал мост двадцать лет. Знал, какая плаха жалуется скрипом в сухую погоду, где зимой первым намерзает прозрачный лёд, какой бык принимает на себя вес, когда через переправу тянут колокольню. Знал, что нельзя будить Омутника голодным, сердитым или при свидетелях, которые любят рассказывать лишнее. Но ни разу узел договора не поднимался наружу до поворота ключа.

Нель вернулся с ведром. За ним шли трое детей, старуха с корзиной гвоздей и рыжая собака. Так в Листограде выглядело любое поручение, которое предполагалось выполнить без свидетелей.

— Всех привёл? — спросил Арден.

— Собака сама.

— А дети?

— Тоже утверждают, что сами.

Старуха поставила корзину на доски.

— Это мои, — сообщила она. — И дети, и гвозди. Пёс ничейный. Когда открытие?

— После третьего колокола, госпожа Вейра.

— Красильщики уже стены складывают.

— Красильщики однажды сложат стены так рано, что им придётся жить в куче досок до весны.

— Зато первыми переедут.

— Первыми поедут пожарные бочки и лечебница.

— Каждый год вы так говорите.

— Каждый год они едут первыми.

Старуха подумала и кивнула, будто Арден только что предложил новое разумное правило. Потом увела детей. Собака осталась.

Нель намочил тряпицу в соляной воде и протёр серьгу. Тёмная черта стала шире. Теперь было видно, что это не трещина, а две строки мелких знаков, прижатых одна к другой. Они шли по меди, как следы крошечных босых ног.

— Читаешь? — спросил Арден.

Нель наклонился так близко, что едва не коснулся металла носом.

— «Путь за вес...» Нет. «Путь за весь...»

— Не угадывай.

— Я не угадываю. Тут царапина.

— В договоре нет царапин. Есть то, что ты пока не умеешь читать.

— Очень удобное различие для наставника.

Арден взял тряпицу и ещё раз провёл по серьге. Знаки дрогнули. Первый ряд читался привычно: «Путь за вес, опора за службу, берег за память». Эти слова он произносил каждую осень, вставляя ключ в камень. Второй ряд должен был назвать держателя. Прежде там было одно имя — его собственное.

Теперь знаков стало больше.

Он прикрыл строку ладонью прежде, чем Нель успел разобрать её.

— Иди к первому устою. Проверь гнёзда.

— Я их проверял.

— Проверь ещё раз.

— Там моё имя?

Вопрос прозвучал без испуга. Это напугало Ардена сильнее всего.

— С чего ты взял?

— С того, что ты закрыл надпись рукой. Если бы там было имя Савера, ты позвал бы стражу. Если Ирсы — выругался бы. Если Таи — пошёл бы к пристани и выругался там. Значит, моё.

Иногда ученик становился особенно полезным, и тогда Арден жалел, что не выбрал себе глупого.

— Гнёзда, Нель.

— Мне девятнадцать, а не девять.

— Поэтому ты слышал приказ с первого раза.

На лице Неля ничего не изменилось. Он поставил ведро у перил и пошёл к берегу. Не быстро, не медленно — с той старательной ровностью, которой взрослые люди показывают, что подчинились лишь на время.

Арден дождался, пока между ними окажется двадцать шагов, и убрал ладонь.
Под его именем проступало второе.

Нель.

Без рода, без ремесленной отметки, без слова «держатель». Речные договоры не тратили знаки попусту. Если имя появилось в узле, река уже считала человека частью обещания.

Арден приложил бронзовую иглу к первому знаку. Медь была ледяной. Он надавил сильнее. Игла согнулась, хотя металл делали именно для очистки узлов.

Внизу раздался звук, похожий на вздох огромного спящего существа.

Круг листьев остановился.

Все листья разом повернулись острыми концами к Нелю.

Арден сорвал с пояса кожаный шнур, обмотал серьгу и завязал простой плотницкий узел поверх надписи. Это ничего не могло изменить в договоре, но скрыло имя. Иногда первое разумное действие — не решение, а возможность не дать беде разрастись на глазах у любопытных.

С берега ударил второй колокол.

Листоград ответил грохотом.

По улицам побежали рабочие. На западной площади одновременно опустили четыре крыши. Они легли на козлы, как огромные тёмные крылья. Над домами взвились флажки десятников: красный означал готовность снимать стены, белый — нехватку рук, чёрный — опасность обрушения. Почти сразу над улицей Гончаров показались три белых флажка. Никто не удивился. Гончары каждый год уверяли, что глина делает их дома особенными, а потому начинали подготовку позже всех.

У первого устоя уже собиралась очередь просителей, хотя мост ещё не открыли. Двое спорили из-за места своих платформ. Пожарный старшина требовал убрать с проезда бочки с яблоками. Человек в сером казённом плаще держал дощечку для записей и делал вид, будто ни к кому не прислушивается. Казённые люди Савера всегда умели слушать особенно заметно.

Арден пошёл к берегу, оставив скрытый узел за спиной.

— Западные гнёзда сухие, — доложил Нель. — В северном песок. Не речной.

Он протянул ладонь. На ней лежали три светлые крупинки.

Арден растёр одну между пальцами. Песок был острым, с блёстками слюды. Такой встречался на новом берегу, куда ещё не ступал ни один городской воз.

— Мост уже там? — спросил Нель.

— Край моста — возможно.

— Без нас?

— Ему не нужны наши ноги, чтобы знать расстояние.

— А наши жизни нужны.

Арден посмотрел на ученика. Тот смотрел не на него, а на кожаный шнур вдали.

— Ключ, — сказал Арден.

Нель принёс железный стержень из медного гнезда. Вблизи на нём было видно двадцать насечек — по одной за каждую осень Ардена. Первая оставалась неровной: рука восемнадцатилетнего подмастерья дрожала, хотя он потом годами утверждал обратное. Последние пять зарубок лежали ровно, на ширину ногтя друг от друга.

Сегодня предстояло сделать двадцать первую.

Арден вставил ключ в центральное гнездо. Металл вошёл лишь наполовину и остановился.

— Держит? — спросил Нель.

— Спрашивает.

— Что?

— Того ли привели.

Вокруг стало тише. Рабочие не перестали двигаться, телеги не перестали скрипеть, но люди у устоя повернули головы. Открытие моста видели каждый год и всё равно следили, как за фокусником, который однажды непременно ошибётся.

Арден обхватил ключ обеими руками.

— Я, Арден Лоран, держу путь Листограда до первого снега, — произнёс он. — Беру вес, пока город несёт службу. Беру воду, пока берега хранят память. Открываю переход не владельцу, а идущим.

Ключ не двинулся.

Обычно после последнего слова из глубины приходил один толчок, и стержень сам проворачивался в камне. Сейчас вода молчала.

За спиной кто-то кашлянул. Человек Савера быстро провёл мелом по дощечке.

Арден повторил слова. Камень под ладонью остался неподвижен.

Нель шагнул ближе.

— Не трогай, — сказал Арден.

— Я только посмотрю.

— С того места смотри.

Ученик остановился. В его лице появилась та же ровная неподвижность, что и прежде. Арден слишком хорошо её знал: так Нель прятал обиду, чтобы не отдать её собеседнику бесплатно.

На городском склоне подняли первый стеновой щит. Дюжина людей тянула канаты, укладывая его на длинную колёсную раму. Если мост не проснётся, через три часа улицы будут забиты разобранными домами, а в сумерках пойдёт дождь. Через два дня вода поднимется. Через тридцать выпадет снег, и ни один санный полоз ещё не готов к замёрзшей реке.

Арден закрыл глаза и прислушался к ключу.

Холод шёл не от металла. Он поднимался по запястьям, задерживался в локтях, касался старого рубца под левой лопаткой. Договор проверял его, пересчитывая то, что мог взять. Обычно это длилось один вдох. Сегодня холод добрался до горла и остался там.

Ему не хватало имени.

Не его имени — другого, уже вписанного в медь.

Омутник хотел услышать обоих.

Арден открыл глаза.

— Господин смотритель, — сказал казённый человек, — следует ли записать задержку как неисправность переправы?

— Запишите как раннее любопытство управы.

— Наместник просил точные сведения.

— Тогда прибавьте, что до третьего колокола мост закрыт по городскому правилу. Оно написано на столбе рядом с вашей головой.

Человек поднял взгляд. На столбе действительно висела дощечка. Нель перевернул её надписью наружу только сейчас, заслонив движение плечом.

Казённый человек отступил на два шага.

Арден наклонился к ключу, будто осматривал гнездо, и сказал так тихо, чтобы услышала только река:

— Его не получишь.

Между каменными быками вздулся гладкий горб воды. Он прошёл против течения от дальнего берега к ближнему. Под поверхность на миг проступило что-то широкое, бледное, собранное будто из корней, утонувших досок и рыбьих спин. У самого устоя горб исчез.

Ключ повернулся.

Мост содрогнулся от края до края. На перилах звякнули кольца. Из щелей вырвались струйки воды, хотя доски оставались сухими. Каменные быки тяжело сдвинулись под рекой,

каждый на полшага, устраиваясь против осеннего течения. Туман на середине переправы разорвался, и далеко впереди показалась полоска нового берега.

Толпа загудела.

Нель улыбнулся, забыв на миг про скрытую надпись. Ардену захотелось запомнить именно это лицо — открытое, упрямое, живое, — прежде чем договор начнёт менять его.

Он повернул ключ до упора. На железе сама собой проступила новая насечка.

Двадцать первая.

Потом рядом с ней появилась короткая тонкая риска.

Не полноценная зарубка. Пока лишь обещание зарубки.

Арден закрыл её пальцем.

Третий колокол ударил над Листоградом.

Десятники взмахнули флажками. Канаты натянулись. Лебёдки заскрипели на всех улицах сразу. Стены ложились на рамы, трубы снимались с крыш, вывески исчезали с крюков. Город не рушился — он складывался в дорогу.

К первому устью подкатили пожарную платформу с шестью красными бочками. Колёса остановились у белой черты. Старшина ждал знака.

Арден вытащил ключ и поднял руку.

— Первый груз — к новому берегу!

Рабочие налегли на рычаги. Платформа тронулась. Передние колёса въехали на мост, и тот отозвался низким гулом. Обычный человек принял бы его за скрип древесины. Арден различил слова.

Два имени.

Первое принадлежало ему.

Второе река произнесла голосом Неля.

Арден опустил руку и посмотрел на тридцать дощечек обратного счёта, прибитых к стене будки. Каждый вечер следовало снимать одну. Он всегда считал это простым напоминанием для горожан.

Теперь каждая дощечка означала день, за который нужно выяснить, кто вписал ученика в договор, и удалить имя, не разрушив путь под целым городом.

Нель встал рядом.

— Ты всё равно покажешь мне узел, — сказал он.

— Покажу.

Ученик явно не ожидал согласия.

— Когда?

Арден посмотрел, как первая платформа медленно ползёт над чёрной водой. За ней уже выстраивались лечебные повозки. На старом берегу дома превращались в грузы. На новом берегу туман открывал землю, которая ещё не стала улицами.

— Когда пойму, почему мост знает твоё имя.

— То есть после того, как решишь всё один.

— То есть до того, как ты коснёшься меди и дашь реке ответ, которого не понимаешь.

Нель сжал челюсть.

— Я понимаю слово «нет».

Из-под моста донёсся тихий смешок воды.

Арден понял, что спор слышал не только ученик.

На дальнем конце переправы первая красная бочка вышла из тумана. Люди на новом берегу закричали и замахали руками. Листоград начал переход.

А Омутник уже выбрал того, кому хотел оставить мост.

Глава 2. Ученик на перилах

К полудню мост успел принять три пожарные платформы, лечебную повозку, клетку с голубями и человека, который уверял, что пустая бочка тоже считается срочным грузом.

Арден отправил человека в конец очереди. Тот ушёл, громко сообщая всем встречным, что смотритель погубит город из-за мелочности.

— Пустая бочка легче полной, — сказал Нель.

— Поэтому от неё меньше пользы на новом берегу.

— Если дать ему пройти, он перестанет кричать.

— Нет. Он будет кричать с другого берега, что получил право первым.

Они стояли у третьей серыги. Кожаный шнур на меди потемнел от сырости, хотя дождя не было. Арден проверил узел и затянул его ещё на палец. Нель следил молча.

После открытия моста они почти не разговаривали. Дел хватало. Каждую платформу взвешивали не гирями, а длиной осадки: двое рабочих заводили под раму мерные шесты, десятник записывал, насколько прогнулась ось, затем Арден назначал расстояние до следующего груза. Если пустить платформы слишком близко, мост начинал брать вес у смотрителя. Если разнести слишком далеко, город не успевал перейти до снега.

Обычный осенний выбор между плохим и поздним.

— Покажи, — сказал Нель.

— Что?

— Ты знаешь что.

— Сейчас идёт переход.

— Именно сейчас мост почему-то знает моё имя.

Арден поднял глаза. По середине переправы двигалась лечебная повозка. Белые полотнища по бокам надувались ветром. За ней оставили сорок шагов пустого настила, а потом шла платформа с разобранной голубятней. Всё спокойно.

— Ты получишь ответы, когда они у меня будут.

— Тогда это будут твои ответы.

— Хорошие ответы от этого хуже не становятся.

— А плохие удобнее прятать.

Арден снял руку со шнура.

— На мосту четыре сотни людей, считая тех, кто ждёт на обоих берегах. Я не стану развязывать договорный узел посреди перехода, чтобы доказать тебе уважение.

— Можно было сказать это утром.

— Утром я не знал, проснётся ли мост.

— Поэтому решил, что я не должен знать тоже.

С дальнего берега донёсся свист. Разведчики подали знак, что лечебная повозка сошла на землю. Десятник у ближнего устоя поднял зелёный флажок, и голубятню покатили вперёд. Внутри клеток заматались птицы.

Арден протянул Нелю бронзовую иглу.

— После вечернего колокола снимем шнур вместе.

Нель взял иглу, повертел между пальцами.

— Не будешь сначала понимать один?

— Не буду.

— И если там моё имя?

— Ты его увидишь.

— Это обещание?

Под ними плеснула вода. Арден помедлил.

— Да.

Игла в пальцах Неля потеплела и стала медно-красной. Договор услышал. Не принял, не связал — только заметил произнесённое слово.

Нель поспешно положил иглу на перила.

— Надо было предупредить.

— Теперь предупредил мост.

— Очень смешно.

— Я не шутил.

У ближнего устоя кто-то закричал.

Из-за лечебных барачков выкатилась платформа улицы Красильщиков. На ней лежала целая стена дома: каркас, доски, оконная рама с синими ставнями. По правилам ставни полагалось снять, стекло вынуть, каркас стянуть тремя канатами. Красильщики сняли только один ставень, стекло оставили, а вместо третьего каната обмотали стену верёвкой для белья.

Платформа шла слишком быстро.

Четверо мужчин сзади упирались в тормозной брус. Колёса волокли их по камням. Спреди бежал десятник и махал обоими флажками сразу, что не означало ничего, кроме паники.

— Башмаки под колёса! — крикнул Арден.

Рабочие у черты бросились наперерез. Один успел сунуть дубовый башмак под левое колесо. Платформа подпрыгнула, развернулась и ударила краем в каменный столб. Верёвка для белья лопнула.

Стена качнулась.

Синяя створка распахнулась, будто дом хотел в последний раз посмотреть на свою улицу.

Потом вся конструкция стала падать на людей.

Нель оказался рядом раньше Ардена. Он подхватил бронзовую иглу с перил, прыгнул на раму и вогнал её в щель между поперечинами. Игла вошла насквозь. Нель перекинул через неё оборванный канат, намотал свободный конец на предплечье и откинулся назад.

Стена задержалась на ладонь от головы десятника.

— Прочь! — заорал Нель.

Люди рассыпались. Арден врезался плечом в бок платформы, не давая ей завалиться. Двое рабочих подперли стену шестью. Ещё один полез под раму за тормозным брусом.

— Не под неё! — крикнул Арден.

Поздно.

Правое колесо перескочило через каменный край и въехало на первую доску моста. Платформа дёрнулась. Рабочий упал, откатился, едва избежав обода. Стена потянула Неля вперёд.

Канат на его руке затянулся.

Арден увидел, как побелели пальцы ученика.

— Брось!

— Тогда сложится!

— Брось канат!

Нель посмотрел на десятника, который всё ещё лежал между столбом и платформой. Если стена рухнет, его придавит рамой.

— Сначала вытащи его!

Арден ухватил десятника за ворот и потащил. Тот пытался помогать ногами, но сапог застрял в скобе. Стена скрипнула. Оконное стекло лопнуло и осыпало камни прозрачными осколками.

Под мостом ударила вода.

Платформа покатила сама.

Правое колесо уже стояло на настиле, левое ещё было на берегу. Рама перекосилась. Бронзовая игла выгнулась дугой. Канат на руке Неля стал тёмным от крови.

Арден рванул сапог десятника, не развязывая. Кожа треснула. Человек выскользнул наружу в одном чулке.

— Теперь бросай!

Нель разжал руку.

Канат не упал.

Он прирос к запястью медными нитями.

На одно мгновение все замерли. Потом Нель выругался и попытался сорвать петлю другой рукой. Нити затянулись сильнее. Платформа тянула его на мост.

Арден прыгнул на раму, выдернул нож и рубанул по канату. Лезвие отскочило, оставив на волокнах белую царапину.

— Это не верёвка! — сказал Нель.

— Уже вижу.

Мост принял случайный узел за работу держателя. Игла из набора смотрителя, вес городского дома, человек на перилах — трёх вещей хватило, чтобы старый договор проснулся внутри аварии.

Арден схватил Неля выше локтя.

— Не отвечай, что бы ни услышал.

— Я слышу тебя.

— Не меня.

Платформа целиком въехала на мост. Рабочие у края удержали стену шестами, но остановить колёса не смогли. Она катилась за голубятней, сокращая положенные сорок шагов. Птицы впереди забились так сильно, что клетка задрожала.

— Развести грузы! — крикнул Арден. — Голубятню вперёд!

Люди на средней площадке налегли на рычаги. Голубятня прибавила ходу. Между платформами осталось двадцать восемь шагов. Потом двадцать пять.

Арден поставил ногу на ось красильщиков и потянул Неля к себе. Медные нити впились в кожу ученика. От них по канату побежали буквы — мелкие, мокрые, те же, что проступили на серье.

«Путь за вес».

— Он пишет по мне, — выдохнул Нель.

— Смотри на меня.

— Я и так смотрю.

— Тогда повтори: груз не мой.

— Груз не мой.

— Обещание не моё.

— Обещание не моё.

— Имя моё, и только я им распоряжаюсь.

Нель запнулся.

Река заговорила.

Не вслух. Голос пришёл через натянутый канат, через кости запястья и зубы. Арден услышал лишь низкий гул. Нель услышал слова — это стало видно по его лицу.

— Что он сказал? — спросил Арден.

Ученик молчал.

— Нель!

— «Следующий держит легче».

Медные нити поползли к локтю.

— Это не предложение, — сказал Арден. — Это приманка. Повтори последнюю фразу.

— Имя моё.

— Всю.

— И только я им распоряжаюсь.

Нити остановились.

Платформа добралась до первого каменного быка. Здесь настил выгибался едва заметной дугой. Обычно груз замедлялся на подъёме. Сейчас колёса пошли быстрее, словно кто-то тянул их снизу.

Расстояние до голубятни сократилось до пятнадцати шагов.

Арден оглянулся. За платформой бежали рабочие, но боялись вскакивать на раму. Правильно боялись: лишний вес мост мог принять за новую долю договора.

— Перережь бельевую верёвку на стене, — сказал он.

— Ты только что не перерезал её ножом.

— Не эту. Остаток настоящей, под нижней перекладиной.

Нель дотянулся свободной рукой. До узла не хватало пальца.

Арден отпустил его локоть, лёг животом на раму и ухватил край стены. Весь её вес пришёлся на плечо. Доски застонали. Нель шагнул по оси, дотянулся до нижней верёвки и выдернул конец.

— Теперь что?

— Синяя ставня.

— Что ставня?

— Открой до конца.

Нель толкнул створку. Ветер подхватил её. Стена дёрнулась в сторону реки, рама накренилась, левое колесо на миг оторвалось от досок.

— Арден!

— Ещё!

Нель навалился на ставню. Ветер повернул стену поперёк рамы. Она перестала тянуть вперёд и стала огромным тормозом. Платформа замедлилась.

Двенадцать шагов до голубятни.

Десять.

Восемь.

Колёса заскрежетали. Красильщики оставили на осях старую глиняную смазку, загустевшую от холода. Арден прежде выругал бы их за небрежность. Сейчас густая смазка спасала голубей и людей перед ними.

Платформа остановилась в пяти шагах от задней клетки.

Несколько мгновений слышно было только хлопанье крыльев.

Потом мост выгнулся.

Арден знал этот толчок. Омутник не получил обещания и решил взять плату за удержанный вес иначе.

Тонкая трещина побежала по доске под правым колесом.

— На перила! — крикнул Арден.

— Куда?

— Выше настила!

Он посадил Неля. Тот поставил сапог на нижнюю перекладину, перекинул ногу через верхнюю и оказался сидящим над водой. Канат тянулся от его запястья к игле в раме. Арден ударил пяткой по игле снизу.

Бронза вышла на половину.

Ещё удар.

Игла вылетела. Канат хлестнул по воздуху. Медные нити на руке Неля рассыпались каплями и упали в реку.

Платформа просела. Треснувшая доска переломилась, правое колесо провалилось до ступицы, но рама осталась на мосту.

Нель покачнулся на перилах.

Арден поймал его за голени.

Снизу поднялся голос — теперь такой ясный, что слова услышали оба.

— Следующий смотритель.

Нель застыл.

Вода под ним стала прозрачной до самого дна. Там, между зелёных камней, лежали балки прежних мостов. На каждой виднелись имена. Десятки имён, вырезанных глубоко, перечёркнутых течением. Последним было имя Ардена.

Под ним светилося имя Неля.

— Не отвечай, — повторил Арден.

Нель смотрел вниз.

— Он показывает всех?

— То, что хочет показать.

— Там дети.

Арден тоже увидел короткие имена без ремесленных знаков. Некоторые обрывались на середине, будто резчик не успел закончить.

— Смотри на берег.

— Сколько им было?

— Не сейчас.

— Ты знал?

Вода помутнела. Имена исчезли, но вопрос остался.

Рабочие добрались до платформы и подкладывали под ось рычаги. Кто-то подал Нелю руку. Он не принял её, сам спрыгнул с перил на целую доску и только тогда пошатнулся.

Арден поддержал его за плечо.

— Рука.

— Цела.

— Покажи.

На запястье остался красный след, оббивавший кожу пять раз. Там, где касалась медь, проступили мелкие знаки. Они быстро бледнели.

Арден прочёл первые два слова: «после Ардена».

Он накрыл след ладонью.

Нель выдернул руку.

— Опять?

— Нужно смыть солью, пока не закрепилося.

— Ты опять закрываешь то, что написано на мне.

— Потому что это написано без твоего согласия.

— Но на моей руке.

Вокруг них работали люди. Поднимали ось, меняли треснувшую доску, связывали стену настоящими грузовыми канатами. Десятник Красильщиков, оставшийся без сапога, пытался распорядиться и всякий раз получал в ответ совет отойти. Никто будто не слушал разговор смотрителя и ученика. Арден знал: к вечеру его будут пересказывать на обоих берегах.

— Сначала соль, — сказал он. — Потом узел. Как обещал.

— И имена на дне.

Арден почувствовал старый рубец под лопаткой. Когда-то ему тоже показали не всё. Только красивую часть: город идёт по мосту, смотритель держит путь, люди помнят его службу. О детских именах Ирса не сказала.

— И имена, — ответил он.

Нель поднял бронзовую иглу. Она стала чёрной и мягкой, словно её много лет держали в иле.

— Он назвал меня следующим зрителем.

— Слова духа не делают тебя следующим.

— А что делает?

— Твой ответ.

— Тогда почему моё имя уже в узле?

Арден не нашёл честного ответа.

На дальнем берегу ударили в малый колокол: голубятня сошла с моста. Рабочие встретили звук радостным криком. Авария задержала переход меньше чем на четверть часа. Для городских счётчиков день оставался удачным.

Нель посмотрел на свою руку. Красный след уже исчезал, но последняя буква держалась у пульса.

— До вечера, — сказал он. — Ни минуты позже.

— До вечера.

Мост под ногами едва заметно дрогнул, запоминая второе обещание.

Арден дождался, пока ученик уйдёт к ведру с соляной водой, и повернулся к реке.

— Ты не получишь его случайностью, — сказал он.

Омутник ничего не ответил.

Только под третьей серьгой лопнул кожаный шнур.

Глава 3. Цена одного перехода

К вечернему колоколу очередь у моста стала длиннее, чем утром.

Она начиналась у соляных сараев, огибала разобранную пекарню и терялась среди домов, которые уже не были домами. На телегах лежали крыши, двери, лестницы и печные кольца. Между колёсами ходили люди с корзинами, дети сидели на свёрнутых половиках, куры ругались из плетёных клеток. Листоград готовился уйти так, будто весь город разом выставили из жилья и велели прихватить стены.

Арден стоял у весовой черты и принимал плату.

Денег мост не признавал. Золото тонуло не хуже камня и не умело подтянуть ослабшую серьгу. За переход платили работой: кто-то менял доски, кто-то чистил водосливы, кто-то дежурил с багром у быка, кто-то готовил горячую еду для ночной смены. Даже старуха, у которой не сгибались пальцы, могла два часа считать колёса и вовремя заметить перегруз.

На низком столике лежала книга перехода. На каждой странице — имя семьи, вес груза и выполненная работа. Когда долг перед мостом считался закрытым, Арден проводил поперёк строки медной иглой. Бумага на миг зеленела, а под водой отзывался Омутник.

Сегодня игла почернела после руки Неля и оставляла на бумаге жирные кляксы.

— Возьми другую, — сказал Нель.

Он сидел рядом, закатав рукав до локтя. На запястье не осталось ни букв, ни красного следа. Трижды промытая солёной водой кожа выглядела чистой, но Нель держал руку так, будто на ней висела невидимая тяжесть.

— Другие лежат в мастерской на новом берегу, — ответил Арден.

— У смотрителя единственного моста все запасные иглы уже по другую сторону реки?

— Я рассчитывал, что ученик не станет пришивать себя к красильщикам.

— Хороший мастер всегда винит инструмент.

— Хороший ученик знает, что иглой не удерживают дом.

— Удержал же.

Арден поднял на него взгляд. Нель выдержал его, потом первым отвернулся к очереди. Их разговор у третьей серьги ещё не состоялся. После аварии пришлось менять доску, разбирать перекошенную платформу и умирять красильщиков, каждый из которых считал виноватым другого. Вечерний колокол уже звонил, а очередь не уменьшалась.

Обещание, данное ученику, тянуло Ардена к третьей серьге сильнее любого каната. Обещание городу держало его у книги перехода.

Первой подошла семья корзинщиков: отец, две взрослые дочери и младший сын. На платформе стояли лёгкие стеновые рамы, связанные ивовыми прутьями. Вес небольшой, зато груз широкий и ловил боковой ветер.

— Плата? — спросил Арден.

Отец протянул ладонь. На ней лежала деревянная бирка с тремя зарубками.

— Две ночи у южного быка и корзины для каменной крошки.

Нель нашёл строку в книге.

— Корзины сдали утром. Двенадцать штук вместо десяти.

— Две запасные, — сказала старшая дочь. — Старые промокли в прошлом году.

Арден приложил бирку к странице. Зарубки налились речной синевой. Под столом тихо звякнула цепь, уходившая от книги в воду.

— Работа принята. На мосту не останавливаться. У второго быка ветер бьёт справа, держите левую верёвку короче.

Отец кивнул, дочери взялись за растяжки. Младший сын побежал рядом с колесом, но Нель поймал его за ворот.

- По мосту идут, а не бегут.
- Я быстро умею.
- Река тоже.

Мальчик перестал вырываться и чинно пошёл возле сестры.

Следом пришли печники. Их платой были шесть новых глиняных вкладышей для водосливов. Потом прачки, отдежурившие полдня у канатных воротов. Потом одинокий стекольщик, который не мог работать у воды из-за больных глаз и вместо этого починил окна в доме мостовой смены.

Каждая работа была разной. Мост принимал не часы, а пользу. Можно было целый день носить пустые вёдра и остаться должником. Можно было вовремя забить один клин и провести дом.

Это правило Арден любил. Оно казалось честнее денег, чиновничьих печатей и обещаний на будущую весну. Пока не приходилось решать, сколько стоит чужое усилие.

К столу подошла женщина в красном платке. За ней стояли двое подростков и сухой мужчина с перевязанной кистью. На их платформе лежали детали небольшого дома: две стены, разобранная печь, сундук, кровать с верёвочной сеткой. На самом верху белела детская колыбель.

Арден узнал семью Жарков. Летом они обжигали черепицу в северной яме. Их старшая дочь три года назад ушла в лодочную артель Таи, а младшие близнецы теперь помогали у печей.

- Марна, — сказал Арден. — Ваша очередь завтра после рассвета.
- Завтра яму зальёт, — ответила женщина. — Мы подняли всё, что успели.
- Ваши места в ряду ещё нет.
- Есть.

Она положила на книгу не деревянную бирку, а тонкий круг из серого металла.

На одной стороне был выбит лист — знак Листограда. На другой стояла птица с распростиёртыми крыльями, личная метка наместника Савера.

- Нель перестал листать книгу.
- Откуда это? — спросил он.
- Марна поправила платок.
- Получили в доме наместника.
- За какую работу?
- За долг.

Арден не коснулся кружка. От металла пахло холодным илом, хотя тот лежал на сухой ладони.

- Чей долг?

Сухой мужчина шагнул вперёд. Это был муж Марны, Олеш. Перевязанную руку он прижимал к груди.

— Мой. Весной брал зерно у купца Ловта. Три мешка. Вернуть должен был черепицей после летнего обжига.

- Вернул?
- Два. Третью печь залило.
- Купец продал расписку Саверу, — закончила Марна. — Наместник дал метку и место сегодня. Сказал, мост примет.
- А взамен? — спросил Нель.

Женщина посмотрела на него с раздражением, будто он спрашивал о том, что приличные люди не произносят при детях.

- Весной отработаем.
- Где?
- Где прикажут.

Нель протянул руку к кругу. Арден накрыл металл ладонью раньше него.

Круг был ледяным. В середине чувствовалось слабое биение, не похожее на человеческий пульс. Один толчок приходил сверху, от выбитой птицы. Второй отвечал снизу, из реки.

Савер не просто написал пропуск. Он заставил долг говорить с мостом.

— Это не плата, — сказал Арден.

— Наместник сказал обратное, — ответила Марна.

— Наместник не держит мост.

— Зато держит зерно, стражу и новый берег.

В очереди за Жарками заговорили. Люди вытягивали шеи. Кто-то спросил, надолго ли задержка. Кто-то уже знал про серую метку и объяснял соседям всё с уверенным видом.

Арден поднял круг за край. Цепь под книгой натянулась. На странице сама собой проступила новая строка.

«Жарки. Один переход. Плата принята».

Нель выругался.

— Ты ничего не писал, — сказал он.

— Вижу.

— Тогда зачеркни.

Арден провёл почерневшей иглой по словам. Бумага разошлась, будто мокрая кожа, и тут же срослась. Строка осталась.

Под мостом тихо засмеялся Омутник.

Марна отступила на полшага.

— Нам проходить?

Арден посмотрел на платформу. Она была собрана правильно. Печь разобрана, колёса смазаны, стены стянуты тремя настоящими канатами. Дети стояли с рычагами. На старом берегу сгущались тучи. Если ночью вода поднимется, северную яму действительно зальёт, а с ней и всё, что семья не успела вывезти.

Мост уже принял метку. Запретить переход означало наказать Жарков за уловку Савера. Разрешить — признать, что купленная расписка равна работе и согласию.

— Метка даёт вам один проход, — сказал Арден. — Но долг перед мостом она не закрывает.

Марна побледнела.

— Там написано другое.

— Написано без моей руки.

— Наместник сказал, всё уплачено.

— Наместник заплатил вашим долгом, не своей работой.

Олеш нахмурился.

— Так пропустишь или нет?

Нель смотрел на Ардена. Не спорил, не подсказывал. Ждал решения — и, наверное, уже готовился судить его так же строго, как Арден утром судил чужую платформу.

— Пропущу, — сказал Арден. — Сегодня. После перехода получите обычную работу по силам. Отдельно от расписки Савера.

— Дважды платить? — спросила Марна.

— Мосту вы ещё не платили ни разу.

— Но он принял!

— Он принял слова на металле. Я выясню почему.

Марна ударила ладонью по столу.

— Пока ты выясняешь, у нас дом в яме! У других есть здоровые руки, родня в артелях, место возле ворот. У нас долг и одна целая кисть на двоих. Наместник дал выход. А ты называешь его неправильным, потому что тебе не нравится птица на монете.

Очередь затихла. Даже куры перестали хлопать крыльями.

Арден мог объяснить, что не любит не птицу, а незримую верёвку, привязанную к чужому будущему. Мог спросить, какую именно работу Савер потребует весной. Мог напомнить, что мост держится на пользе, а не на власти.

Но дом Жарков всё ещё стоял над сырой ямой, и никакое объяснение не делало их положение легче.

— Сколько часов вы можете дать сегодня? — спросил он.

Марна прищурилась.

— Каких часов?

— После перехода. Ночная смена. Не тяжёлая работа.

Олеш поднял перевязанную руку.

— Я не возьму багор.

— И не надо. У нового берега нужно размечать колышками места для следующих домов.

Ты знаешь размеры северного ряда лучше городского счётчика.

— Знаю.

— Марна может принимать глиняные вкладыши у водослива. Близнецы — носить пустые корзины, не камень. Четыре часа на всех. Этого хватит за один переход.

— А метка?

— Останется доказательством, что Савер продал вам то, что не принадлежит ему.

Марна долго смотрела на круг. Потом перевела взгляд на детей. Один из близнецов уже дрожал от холода, хотя старался стоять прямо.

— Четыре часа, — сказала она. — Не больше.

— Не больше.

— И ты запишешь, что мосту мы ничего не должны.

— Когда закончите работу.

— Сейчас запиши, какую именно. Чтобы потом не прибавил.

Арден почувствовал почти облегчение. Женщина не просила поверить ей и не предлагала верить ему. Она требовала точных слов.

Нель нашёл чистую строку. Арден продиктовал имена, работу и срок. Марна заставила прочитать запись вслух, затем приложила палец к краю страницы. Олеш сделал то же самое здоровой рукой. Близнецы коснулись бумаги по очереди.

Цепь под столом звякнула четыре раза.

Строка, возникшая от серой метки, побледнела, но не исчезла.

— Пускай, — сказал Арден.

Нель поднял зелёный флажок.

Платформа Жарков въехала на мост.

Сначала всё шло ровно. Марна держала переднюю растяжку, близнецы следили за колёсами, Олеш управлял тормозным брусом левой рукой. Белая колыбель на крыше покачивалась в такт неровностям настила.

У первого быка вода под ними потемнела.

Серая метка, оставшаяся на столе, задрожала. Выбитая птица расправила крылья. По краю круга проступили мелкие буквы.

Нель наклонился.

— Тут было пусто.

— Не трогай.

— Я уже усвоил эту часть урока.

Арден прочитал надпись, не поднимая металла.

«Принявший путь принимает службу».

— Чью службу? — спросил Нель.

Мост ответил гулом.

На середине переправы платформа Жарков остановилась.

Колёса не застряли. Люди толкали, рама дрожала, но не двигалась ни вперёд, ни назад. Будто из настила выросли невидимые скобы и охватили обода.

— Растяжки держать! — крикнул Арден.

Он выбежал из-за стола. Нель побежал следом.

До первого быка они добрались одновременно. Здесь воздух был холоднее, чем на берегу. На перилах проступил серый налёт, похожий на иней. Снега ещё не могло быть: до него оставалось двадцать девять дней. Но договор не знал календаря. Он знал только цену.

Марна тянула платформу за переднюю скобу.

— Что теперь не так?

Арден опустил у колеса. Между ободом и доской лежала тонкая металлическая тень. Такая же птица, как на метке, держала колесо когтями.

— Савер купил долг, — сказал он. — И привязал к нему службу.

— Какую ещё службу?

— Пока не знаю.

— Тогда убери!

Арден вставил нож под тень. Лезвие прошло сквозь неё и царапнуло доску. Птица не шелохнулась.

Нель присел рядом.

— Метка осталась на берегу. А это её отражение?

— Скорее условие.

— Слова на круге говорили: один переход.

— С одной стороны.

— А другая сторона говорила то, чего они не читали.

Марна услышала.

— Там была только птица.

— Надпись появилась сейчас, — сказал Нель. — После того как вы въехали.

Олеш обхватил тормозной брус.

— Я ни на какую службу не соглашался.

Под мостом что-то тяжело повернулось. Вода ударила о бык, и платформа сдвинулась на пол-ладони — не вперёд, а к краю.

Близнецы вскрикнули.

— Отойти от правых колёс! — приказал Арден.

Он взялся за раму. Нель встал с другой стороны. Вместе они выровняли платформу, но металлическая тень продолжала тянуть её к перилам.

— Пусть откажутся, — сказал Нель.

— От чего?

— От неназванной службы. На моей руке сработало.

Арден посмотрел на него. Ученик был прав. Это злило меньше, чем должно было.

— Марна, Олеш, скажите вслух: вы не принимаете службу, которая не была названа.

— Я не принимаю никакую службу Саверу, — сказала Марна.

Тень под передним колесом дрогнула.

— Точно, — сказал Нель. — Не шире. Только про то, чего не называли.

Марна бросила на него сердитый взгляд, но повторила:

— Я не принимаю службу, которая не была названа.

Олеш произнёс то же. Близнецы заговорили одновременно, сбились и начали сначала.

Птица разжала один коготь.

Платформа качнулась обратно к середине.

— Ещё держит, — сказал Нель.

Арден увидел вторую тень у заднего колеса. Меньше первой, с длинным клювом. Она была привязана не к Жаркам, а к белой колыбели на крыше.

— Это чья вещь? — спросил он.

Марна обернулась.

— Моей сестры. Она умерла зимой. Колыбель осталась нам.

— У неё были долги?

— Откуда я знаю? После горячки весь переулочек занимал лекарства.

Нель забрался на платформу и осторожно снял колыбель. Под её полозом темнела сургучная печать. Кто-то поставил её недавно: красный воск ещё не успел покрыться пылью.

— Это не Савер, — сказал Нель. — Тут знак аптекаря.

— Расписку мог купить Савер, а старую печать оставить, — ответил Арден.

Марна прижала ладони к щекам.

— Он купил долг покойной?

— Похоже.

— Она умерла. С кого он возьмёт?

Ответ лежал перед ними: с вещи, с родни, с любого, кто пожелает перевезти память через реку.

Арден коснулся сургуча. В голове сразу прозвучал шёпот Омутника:

«Взятое следует за берущим».

Речной дух не понимал наследства. Для него существовало только течение: вещь переходит из рук в руки, обещание плывёт следом. Савер нашёл в этой простоте удобную дыру.

— Колыбель можно оставить, — тихо сказал Олеш.

Марна развернулась к нему.

— Нет.

— Нам нужен дом. Не память.

— Она не память. В ней спали наши дети.

— Они уже не помещаются.

Один из близнецов покраснел. Второй посмотрел на реку.

Марна схватила колыбель у Неля.

— Я не отдам её Саверу.

— Он и рассчитывает, что не отдашь, — сказал Арден.

— Тогда что? Работать на него за мёртвую сестру?

— Нет.

Арден забрал колыбель и поставил её на настил отдельно от платформы. Тень под задним колесом вытянулась за вещь, но раму отпустила. Теперь когти держали только полозья.

Нель понял первым.

— Перевезти не как имущество.

— А как груз моста, — сказал Арден.

— В чём разница? — спросила Марна.

— Ваше имущество следует за владельцем, и Савер цепляет к нему купленный долг. Груз моста принадлежит мосту, пока его не примут на другом берегу.

— Ты хочешь забрать колыбель?

— На время перехода. На новом берегу отдам тебе обратно, если мост согласится.

— А если нет?

— Тогда верну сам, даже если придётся нести вброд.

Марна посмотрела на воду. Течение у быка закручивало щепки и осенние листья, а середина реки была глубже человеческого роста втрое.

— Не смешная клятва, — сказала она.

— Я не шутил.

— Он редко шутит удачно, — вставил Нель.

Арден поднял колыбель. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Не деревом — чужими словами. Сургучная печать прожигала ладонь через полоз.

— Омутник! — позвал он.

Река поднялась между досками мелкой росой.

— Беру этот груз на мост. До дальнего устоя он не принадлежит ни Марне, ни её семье, ни наместнику.

«Кому принадлежит?» — спросила вода голосом, похожим на скрип мокрой балки.

— Никому. Его несут.

«Ничейное тонет».

— Тогда пусть принадлежит работе. Я донесу — мост проведёт.

Нель схватил Ардена за рукав.

— Не предлагай себя.

— Я предлагаю действие.

— Он умеет превращать одно в другое.

Правильное замечание. Арден слишком часто учил этому Неля и сам едва не шагнул в ту же ловушку.

Он повысил голос, чтобы слышали Жарки и рабочие на обоих концах платформы:

— Моя обязанность начинается сейчас и заканчивается, когда колыбель коснётся земли на новом берегу. Плата — мои шаги и вес в моих руках. Ни имя, ни будущая служба, ни срок жизни в неё не входят.

Омутник молчал.

Медная цепь внутри перил дрогнула. На почерневшей игле у пояса Ардена вспыхнула тонкая зелёная линия.

«Принято».

Тень отпустила колыбель. Серая птица под передним колесом растаяла следом.

— Толкайте, — сказал Арден.

Платформа пошла.

Арден нёс колыбель впереди. Она была неудобной: полозья цеплялись за плащ, резной край давил в предплечье. Каждый шаг отдавался под лопаткой, где проходил старый рубец договора. Омутник проверял точность слов. Если Арден остановится, обязанность не будет выполнена. Если отдаст ношу другому, «мои шаги» станут ложью.

Нель шёл рядом, не касаясь колыбели.

— Ты мог назвать мост носильщиком, — сказал он.

— Мост не делает шагов.

— Мог назвать обязанность всей смены.

— Не спросив смену?

Нель сжал губы.

— Нет.

— Вот именно.

— А себя спросил?

— Да.

— Быстро.

— На середине моста полезное качество.

Они прошли второй бык. Ветер усилился. Белая колыбель ловила его, как лодка парус, и выворачивалась из рук. Арден прижал её к груди. Сургучная печать больше не жгла, зато под коленом появилась знакомая слабость. Мост брал с него не жизнь — пока только силу, потраченную на точно названную работу.

Жарки держали платформу позади. Марна не сводила глаз с колыбели. Олеш командовал близнецам у колёс, и те впервые за весь путь действовали не как испуганные дети, а как умелые помощники печника.

На дальнем устое ждал городской счётчик с дощечкой. Он протянул руку к колыбели.

— Груз сюда.

— Нет, — сказал Арден.

— Ты же нёс как груз моста.

— До земли.

Он сошёл с последней доски и поставил колыбель на влажную траву нового берега.

Зелёная линия на игле погасла.

Сургучная печать треснула пополам. Внутри не оказалось ни бумаги, ни знака — только тонкая полоска серого металла. Она свернулась, как дохлая пиявка, и рассыпалась пылью.

Марна подбежала, подняла колыбель и осмотрела полозья.

— Всё?

— Для моста — всё, — ответил Арден. — Для Савера, думаю, нет.

Платформа сошла на землю. Цепь у дальнего устоя звякнула, подтверждая переход. Жарки остановились возле разметочных колышков. Олеш посмотрел на перевязанную руку, потом на расчерченное поле.

— Четыре часа, — напомнил он.

— Четыре, — подтвердил Арден.

— И за колыбель отдельно не прибавишь?

— За неё уже заплачено.

— Кем?

Арден размял онемевшие пальцы.

— Моими шагами.

Марна хотела что-то сказать, но передумала. Она только кивнула и понесла колыбель к месту будущего дома.

Нель дождался, пока семья отойдёт.

— Ты решил за себя, — сказал он.

— Да.

— И дал им решать за себя.

— Постарался.

— А утром не дал мне даже прочитать собственное имя.

Арден посмотрел через реку. На старом берегу очередь ждала. Возле стола серела метка Савера, слишком маленькая, чтобы издали её увидеть, и слишком опасная, чтобы оставить без ответа.

— Поэтому мы сейчас вернёмся к третьей серье, — сказал он.

— Сейчас — это до следующего колокола или после конца света?

— Пока счётчик разводит платформы. У нас будет четверть часа.

Они пошли обратно по пустой стороне моста. Навстречу им двигалась следующая телега, но до весовой черты её ещё не допустили. Впервые за день между берегами оставалось достаточно тишины, чтобы услышать отдельные струи под досками.

У первого быка Нель остановился.

— Если Савер может покупать расписки и заставляя их говорить с мостом, он может купить долг любого в очереди.

— Да.

— И провести людей раньше других.

— Да.

— Или не провести, пока они не примут службу.

— Именно этого он хочет.

— Откуда ты знаешь?

Арден вспомнил птицу, вцепившуюся в колесо, и скрытые слова на обратной стороне согласия.

— Потому что место в очереди для него слишком мелкая добыча.

Нель медленно потёр чистое запястье.

— Моё имя в узле — тоже его работа?

— Не знаю.

— Честный ответ.

— Другого пока нет.

— Тогда покажи всё, что есть.

У третьей серьги оборванный кожаный шнур висел двумя концами. Медный обруч был открыт. На нём темнело имя Ардена, под ним — Неля. За день надпись изменилась. Рядом с именем ученика появилась маленькая птица с распростёртыми крыльями.

Такая же, как на метке Савера.

Нель протянул руку, но остановил пальцы в волосе от меди.

— Теперь можно трогать?

— Нет.

— Ты обещал показать, а не разрешить.

— Верно.

Нель присел, чтобы прочитать нижнюю строку. Под его именем проступали слова, которых утром не было:

«Долг prepares преемника».

— Какой долг? — спросил он.

Арден смотрел на птицу.

— Вот это мы и выясним.

На старом берегу ударил колокол. Четверть часа закончилась.

Нель не отводил глаз от своего имени.

— Нет, — сказал он. — На этот раз ты не пойдёшь выяснять один.

Арден хотел ответить, что мост нельзя оставить без смотрителя. Потом вспомнил Марну, потребовавшую записать точную работу, и собственные слова о согласии.

— Не пойду, — сказал он. — После закрытия перехода отправимся к Саверу вместе.

Медь потеплела, принимая обещание.

На другом берегу серая метка наместника сама перевернулась на столе птицей вверх.

Глава 4. Наместник собирает расписки

Переход закрыли через час после темноты.

Последней на новый берег ушла телега с печными трубами. Арден запер береговой ворот, проверил цепь книги и оставил у первого быка ночную смену прачек. Жарки уже размечали колышками северный ряд. В свете фонарей двигались четыре тени: Марна принимала глиняные вкладыши, Олеш считал шаги между будущими домами, близнецы таскали пустые корзины. Никто не просил сократить им работу.

Серая метка Савера лежала в железной шкатулке. Шкатулку Нель нёс обеими руками.

— Она царапается, — сказал он.

— Железо?

— То, что внутри.

По крышке изнутри прошёл тихий скрежет.

— Не открывай.

— А если она прогрызёт дно?

— Тогда будешь первым учеником, которого победила монета.

— После дома я уже ничему не удивлюсь.

Они шли по новому берегу, где город пока существовал лишь в виде колышков, костров и разложенных по траве вещей. Днём сюда прибывали стены. Ночью люди пытались сделать из них жильё. Между рядами стояли одинокие двери без домов; за дверями сушились плащи, будто стены вокруг уже были и просто не желали показываться.

Дом наместника собрали первым.

Он возвышался на каменной площадке возле будущей площади. Нижний этаж состоял из шести тяжёлых платформ, сцепленных железными замками. Верхний ещё не достроили: балки торчали в небо, крыша закрывала только половину комнат. Но над входом уже висела медная птица, а возле ступеней стояли двое стражников в сухих сапогах.

Сухие сапоги в день перехода были верным признаком человека, который не помогал.

— Смотритель, — сказал левый стражник. — Наместник отдыхает.

— Разбуди.

— Приём с рассвета.

В шкатулке снова заскреблись.

Правый стражник посмотрел на неё.

— Что там?

— Приём, — ответил Нель.

Арден поднял крышку на толщину пальца. Из щели вырвался серый свет. Медная птица над дверью звякнула, хотя ветра не было. Оба стражника отступили.

— Передайте Саверу, что его метка пыталась связать семью неназванной службой посреди моста, — сказал Арден. — Если он действительно спит, я прибью её к двери и поговорю с ним утром при всей очереди.

Левый стражник исчез внутри.

Нель захлопнул крышку.

— Ты собирался прибить?

— Нет.

— Жаль. Убедительно прозвучало.

— Поэтому и не пришлось.

Стражник вернулся без пояса и с застёгнутым не на ту петлю воротником.

— Наместник примет.

Внутри пахло свежей стружкой, мокрой шерстью и горячим вином. Пол между платформами закрыли коврами, чтобы гости не видели щелей. Стены уже украсили картами обоих берегов, хотя сам город ещё не выбрал точных улиц. На одной карте дома были нарисованы ровными кварталами вокруг площади наместника. Мост тянулся к ней прямой линией.

В жизни дальний устой находился на триста шагов севернее.

Савер сидел за широким столом в комнате без четвёртой стены. За его спиной чернела ночь, балки верхнего этажа перечёркивали звёзды. На наместнике был домашний серый кафтан, но волосы оставались гладко зачёсаны, а на пальце блестел перстень с птицей.

— Арден, — сказал он. — Я ждал тебя завтра.

— Значит, знал, что приду.

— Я дал Жаркам проход. Ты не любишь, когда на твоём мосту помогают без спроса.

— Ты дал им ловушку.

Арден поставил шкатулку на стол. Метка ударилась о крышку изнутри.

Савер взглянул на Неля.

— Ученику обязательно присутствовать?

— Обязательно, — сказал Нель раньше Ардена.

Наместник улыбнулся.

— Взрослый ответ.

— Мне девятнадцать.

— Я знаю.

Слишком быстрый ответ. Нель тоже это заметил: его пальцы на ручке шкатулки напряглись.

Савер указал на два стула. Арден остался стоять. Нель сел, но только потому, что так его голова оказалась на одном уровне с наместником. Савер оценил это движение и отодвинул чашу с вином.

— Покажи метку, — сказал он.

— Сначала назови условия.

— Какие?

— Все, которые ты спрятал в ней.

— Я ничего не прятал. На лицевой стороне городской знак: переход разрешён. На обороте мой знак: долг хранится у казны. Достаточно ясно.

— Для тебя. Жарки увидели птицу, но не увидели службу.

— Они знали, что долг нужно отработать.

— Весной. За зерно. Не сегодня на мосту и не любую службу, которую ты назначишь.

Савер сложил руки на столе.

— Разве мост не берёт работу?

— Берёт названную работу у согласившегося человека.

— Тонкая разница.

— На такой разнице держатся люди, а не рабы.

Улыбка наместника исчезла.

Над ними рабочий прошёл по незакреплённой балке. С потолка посыпалась стружка. Савер стряхнул её с рукава, посмотрел вверх и дождался тишины.

— Открой, — сказал он.

Арден повернул ключ. Нель поднял крышку.

Серая метка лежала на дне. За время пути у птицы выросли длинные когти. Они царапали железо и оставляли борозды. По краю круга светились слова о службе.

Савер взял метку двумя пальцами.

Когти исчезли.

Надпись погасла.

Остался обычный серый круг, холодный и безобидный.

— Удобно, — сказал Нель.

— Что именно?

— При хозяине она ничего не показывает.

Савер положил круг на стол.

— Метка исполняет нужду держателя. Жаркам был нужен переход. Мне нужно, чтобы долг не исчез. Мост соединил одно с другим.

— Не сам, — сказал Арден. — Ты научил его.

— Я попросил чеканщика вырезать правильные знаки. Если это называется обучением, пусть будет так.

— Какие знаки?

— Казённые.

— Покажи резчик.

— Нет.

— Тогда я остановлю все метки с твоей птицей.

Савер вздохнул, словно смотритель опять доказал свою непрактичность.

— Ты не остановишь. За старым берегом завтра останется две тысячи человек. Северные ямы зальёт. Ветер уже сменился. Если ты начнёшь разбирать каждую печать, город не успеет уйти.

— Значит, ты рассчитывал на спешку.

— Я рассчитывал на устройство мира. Зима не ждёт, пока честные люди договорятся о словах.

Он встал и подошёл к карте. На нарисованной площади маленькие дома стояли ровнее, чем когда-либо стоял Листоград.

— Посмотри, Арден. Каждый год одно и то же. Город разбирают, мост просыпается, артели спорят за очередь. Сильные семьи платят работой заранее. Слабые ждут дождя, долга или несчастья, а потом ты решаешь, достаточно ли они старались. Ты называешь это согласием. Я называю милостью одного человека.

— Я записываю плату при свидетелях.

— После того как сам назначаешь её цену.

— Мост не принимает бесполезный труд.

— Мост принимает то, что ты назвал полезным.

Арден промолчал. Возражение было неприятно не потому, что являлось ложью. В нём хватало правды, чтобы прикрыть остальное.

Савер провёл пальцем по нарисованной переправе.

— Казна может содержать мост круглый год. Плотники на жалованье. Запасные доски на обоих берегах. Одинаковая плата для каждой семьи по весу. Никаких просьб, никаких торгов у книги. Кто не может заплатить монетой, отрабатывает по заранее известному списку.

Нель наклонился вперёд.

— А кто составляет список?

— Казна.

— То есть ты.

— Я отвечаю за казну.

— И покупаешь долги людей, которые не могут заплатить.

— Я выкупаю их у ростовщиков. При мне долг хотя бы не удваивается каждую луну.

— Он только обростает когтями.

Савер повернулся к нему.

— Ты видел семью Жарков. Что сделал бы купец Ловт? Забрал печь. Без печи они не вернули бы остаток зерна никогда. Я оставил им ремесло, дом и дал перейти раньше воды.

— А взамен получил их весной.

— Четыре недели работы.

— Они знали, какой?

Наместник не ответил.

Нель кивнул, будто ответ получил.

Савер вернулся к столу.

— Ты привёл хорошего ученика, Арден. Он задаёт вопросы быстрее, чем ты успеваешь на них запретить отвечать.

— Не говори обо мне так, будто меня нет, — сказал Нель.

— Ещё один взрослый ответ.

— А это ещё одна попытка похвалить так, чтобы я замолчал.

На этот раз Савер рассмеялся искренне.

— Хорошо. Тогда прямо. Я хочу, чтобы мост перешёл под казённое содержание. Арден останется смотрителем, получит дом на площади, жалование и людей. Ты станешь его законным помощником, а не мальчишкой, который ночует в мастерской и получает еду из общего котла.

— Я не мальчишка, когда вам нужен мой ответ, и мальчишка, когда хотите назначить мне цену.

— Тебе предлагают ремесло.

— У меня уже есть ремесло.

— У тебя есть обещание, которое Арден однажды может отнять.

В комнате стало тихо.

Арден почувствовал, как старый рубец под лопаткой стянул кожу.

— Что ты знаешь о договоре? — спросил он.

Савер поднял чашу, но не отпил.

— Достаточно. Смотритель стареет. Мост выбирает следующего. Город не может зависеть от того, захочет ли один упрямый человек вовремя назвать наследника.

— Мост не выбирает, — сказал Арден. — Договор переписывают.

Нель резко повернулся к нему.

— Что?

Слова уже прозвучали. Арден видел это по лицу ученика: не смысл — тот ещё требовал объяснения, — а сам факт, что у Ардена был ответ, которого он не дал у третьей серьги.

Савер медленно поставил чашу.

— Значит, всё-таки переписывают.

Он не знал. Только предполагал и заставил Ардена подтвердить.

— Ловко, — сказал Нель.

Не Саверу. Ардену.

— Я собирался рассказать у серьги.

— Ты рассказал наместнику.

— Потому что он назвал тебя наследником.

— И ты решил поправить его раньше, чем объяснить мне.

Арден хотел сказать, что сейчас не время. Эта фраза преследовала его весь день и каждый раз означала: время для решения есть у Ардена, а для правды Нелю придётся ждать.

— Ты прав, — сказал он.

Нель моргнул.

— Это всё?

— Нет. Договор нельзя просто снять. Его можно переписать на другого живого человека. Я не соглашался переписывать его на тебя и не соглашусь без твоей воли.

— А с моей волей?

— Я не хочу, чтобы ты принимал его.

— Это не ответ.

— Другой дам не здесь.

Нель посмотрел на Савера и коротко кивнул. Не в знак согласия — в знак того, что понял причину.

Наместник наблюдал за ними с вниманием торговца, увидевшего трещину в хорошем кувшине.

— Именно поэтому городу нужен порядок, — сказал он. — Двое мастеров спорят о судьбе переправы, а две тысячи человек ждут на старом берегу.

— Мы спорим о судьбе Неля, — ответил Арден. — Не переправы.

— Для договора это одно и то же.

— Для тебя, похоже, тоже.

Савер взял метку и вставил её в узкую прорезь на краю стола.

Щёлкнул замок.

Из пола поднялся плоский шкаф. Десятки ящичков выдвинулись сами, один над другим. В каждом лежали свёрнутые расписки, дощечки, обломки печатей, долговые шнуры и серые круги. Их было не меньше трёх сотен.

Нель встал.

— Это всё долги?

— Те, которые касаются перехода, — ответил Савер.

— У половины города?

— У половины тех, кто ещё не перешёл.

Арден подошёл ближе. На ящиках стояли названия кварталов: Гончарный, Северные ямы, Тацкий, Больничный, Лодочный. Отдельный ящик был помечен знаком мостовой смены.

Арден протянул к нему руку.

Савер задвинул ящик пальцем.

— Не твоё.

— Если касается моста — моё.

— Ты только что уверял, что люди не принадлежат мосту.

— Расписки тоже не люди.

— Тогда не беспокойся.

Нель обошёл шкаф с другой стороны.

— Здесь имена?

— Разумеется.

— Моё есть?

Савер посмотрел на него чуть дольше, чем требовал простой ответ.

— У тебя нет имущества и торговли. С чего бы тебе иметь долг?

— Это не «нет».

— Твоего собственного долга у меня нет.

Точного ответа Нель добился, но спокойнее не стал.

Арден указал на ящик мостовой смены.

— Открой.

— После того как мы договоримся.

— Мы не договоримся.

— Тогда завтра эти бумаги заговорят с мостом одна за другой. Ты можешь останавливать каждую платформу, разбирать каждую семейную историю и сочинять точные слова на середине переправы. К первому снегу половина Листограда останется на том берегу.

— Или я запрещу твои метки.

— И объяснишь должникам, что они не могут перейти, пока не заплатят тебе работой, хотя уже отдали будущую работу казне. Жарки согласились на четыре часа сегодня. Следующая семья может не согласиться. Ты столкнёшь их обратно в воду ради чистоты своего правила?

Арден смотрел на ящики. Савер подготовил не одну ловушку, а сотни. Каждая была завязана на настоящей нужде: зерне, лекарстве, разбитом колесе, похоронах, ремонте крыши. Вырвать бумаги и сжечь их значило оставить прежних владельцев долга без платы и дать Саверу право назвать смотрителя вором. Признать — позволить наместнику вести людей по мосту на невидимых цепях.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Я уже сказал. Казённого содержания переправы.

— Точнее.

Савер вынул из стола чистый лист.

— Завтра утром ты объявишь, что все долговые метки с моей птицей принимаются как плата за переход. Казна перечислит мостовой смене деньги за каждую семью. До первого снега ты продолжаешь держать переправу. После зимовки становишься главным мастером при наместнике.

— А договор?

— Переписывается на выбранного казной преемника, когда ты больше не сможешь служить.

Нель положил ладонь на стол.

— На кого?

— На обученного взрослого человека.

— Имя.

— Имя выберут по готовности.

— Моё уже на серье рядом с твоей птицей.

Савер не удивился.

Вот чего он ждал. Не известия, а подтверждения.

Арден шагнул к нему.

— Как ты поставил знак на договор?

Стражники за дверью одновременно повернули головы. Савер остался на месте.

— Я ничего не ставил на твоём договоре.

— Птица появилась сегодня.

— Моя птица стоит на каждой казённой вещи. Возможно, мост наконец понял, кому принадлежит город.

— Город тебе не принадлежит.

— Тогда кому? Артелям, которые каждый год бросают слабых в конце очереди? Духу, который требует живого держателя? Тебе?

— Тем, кто его переносит.

— Красивый ответ. Удобный тем, у кого есть здоровые руки.

Нель потянул ящик мостовой смены на себя.

Он не поддался.

Савер коснулся перстнем замка. Внутри шкафа что-то щёлкнуло, и все ящики одновременно закрылись. Плоский шкаф ушёл в пол. Сверху снова оказался обычный ковёр.

— Предложение действует до утреннего колокола, — сказал наместник. — После него я начну выдавать метки остальным семьям.

— Не начнёшь, — ответил Арден.

— Ты поставишь стражу у моего дома?

— Я поставлю у моста весы и буду принимать только названную плату.

— Тогда очередь остановится.

— Ненадолго.

— До снега осталось меньше месяца.

— Поэтому тебе следовало выбрать другую пору для захвата.

Савер снова улыбнулся, но теперь в улыбке не было тепла.

— А тебе следовало выбрать преемника раньше, чем город узнал, что он нужен.

Арден взял шкатулку. Серая метка лежала на столе рядом с рукой наместника.

— Это остаётся у меня, — сказал Савер.

— Она задержала платформу и едва не сбросила семью в реку. Это вещественное доказательство.

— Доказательство перед кем?

Хороший вопрос. В Листограде споры о мосте обычно судил смотритель. Споры о казне — наместник. Если спорили смотритель и наместник, горожане кричали на площади до тех пор, пока один не отступал или не наступал снег.

Нель взял метку первым.

Савер накрыл его кисть своей.

Птица на перстне вспыхнула.

Арден уже двигался, но Нель не отдернул руку. Он посмотрел наместнику в глаза.

— Вы дали её Жаркам, — сказал он. — Они передали её мосту. Мост передал смотрителю. Ни разу — вам.

Под пальцами Савера серый круг завибрировал.

— Ты уверен, что хочешь спорить о праве держателя? — спросил наместник.

— Да.

— Тогда назови, что держишь.

Нель помедлил.

Арден понял ловушку. Если ученик скажет «долг», метка признает его новым носителем. Если скажет «плату», примет скрытую службу.

— Не отвечай его словами, — сказал Арден.

Нель перевёл взгляд на серый круг.

— Я держу вещь, которая остановила колесо. Только её. До тех пор, пока не положу в железную шкатулку.

Перстень Савера погас.

Наместник убрал руку.

Нель положил метку в шкатулку и закрыл крышку. Только после щелчка замка он выдохнул.

— Быстро учится, — сказал Савер.

— Поэтому ты и выбрал его? — спросил Арден.

— Я никого не выбирал.

Слишком ровно.

Арден подошёл к двери.

— До рассвета все метки с птицей будут объявлены опасными. Семьи получают проход за обычную работу по силам. Без двойной платы.

— Кто выполнит эту работу, если они уже обещали её мне?

— Они сами решат, какое обещание давали и в каких пределах.

— Ты надеешься расспросить сотни людей за ночь?

— Нет. Начну с тех, чьи расписки ты хранишь в ящике мостовой смены.

Савер чуть повернул голову.

Этого хватило. Ящик важен.

— Увидимся у утреннего колокола, — сказал наместник.

На улице Нель молчал до самой площади. Дом без стен остался позади, медная птица над входом смотрела им вслед.

Арден ждал вопросов о договоре. Нель задал другой.

— Почему ты не забрал ящик?

— Потому что это была бы кража.

— Он крадёт людей по одному слову.

— Поэтому нам нужны его слова, а не повод для стражи закрыть мост.

— А если в ящике моё имя?

— Он сказал, твоего собственного долга нет.

— Собственного.

Арден остановился.

Между разобранными домами тянуло дымом и мокрой глиной. Где-то забивали клинья. Где-то ребёнок плакал за одинокой дверью. Новый город рос вокруг них, не подозревая, что половина его ещё связана бумагами на старом берегу.

— Чей долг может вести к тебе? — спросил Арден.

Нель долго не отвечал.

— Матери, — сказал он наконец. — Перед смертью она брала лекарства. И место в зимнем обозе. Я думал, Ирса всё закрыла.

— Ирса?

— Она нашла меня после похорон и привела к мосту. Сказала, долгов больше нет.

Имя бывшей смотрительницы легло между ними тяжелее шкатулки.

— Почему ты никогда не говорил?

— Потому что ты никогда не спрашивал, откуда у меня взялась койка в мастерской. Ты решил, что Ирса привела способного мальчишку, и тебе понравилась эта история.

Арден хотел возразить. Не смог.

— Сколько тебе было?

— Двенадцать.

— Расписки сохранились?

— Я их не видел.

— Тогда утром поговорим с Ирсой.

— Вместе?

— Вместе.

Нель посмотрел на него, проверяя не слово, а паузу перед ним.

— Хорошо.

Они пошли к мостовой мастерской. В шкатулке больше не скреблись. Теперь метка лежала тихо, словно получила именно то, чего хотела: имя человека, к которому вела старая расписка.

На другой стороне реки, в доме наместника, пробил один удар колокольчика.

Сразу после него по старому берегу зажглись фонари сборщиков долгов.

Глава 5. Договор без выхода

Ирса жила там, где город ещё не решил, будет ли улица.

Её дом стоял на двух широких колёсах у края старого берега. Переднюю стену уже сняли и уложили на телегу, поэтому из темноты были видны печь, стол, сундук и сама хозяйка в шерстяной рубахе. Она сидела на табурете и точила нож. За её спиной вместо стены текла ночь.

Сборщики долгов ходили между домами ниже по склону. Их фонари то появлялись, то исчезали за снятыми крышами. Людей они будили негромко. Стук, короткий разговор, скрип пера. От этой вежливости становилось хуже.

Ирса провела лезвием по камню и сказала:

— Если вы пришли помочь с передней осью, опоздали на семь лет.

Нель поставил железную шкатулку на край стола.

— Мы пришли спросить, что вы сделали с долгами моей матери.

Нож остановился.

Ирса не посмотрела ни на шкатулку, ни на Ардена. Только смахнула серую пыль с лезвия большим пальцем.

— Значит, Савер добрался до ящика мостовой смены.

— Значит, ящик есть, — сказал Нель.

— Есть.

— И моё имя в нём?

— Твоё имя есть у моста. В ящике имя Лады, твоей матери.

Нель подтянул к себе второй табурет, сел и положил обе ладони на колени. Арден знал эту неподвижность. Так ученик держался над треснувшей балкой, пока решал, куда поставить ногу.

— Вы сказали, что долгов больше нет.

— Для тебя не было.

— Это не одно и то же.

— В двенадцать лет — почти одно.

— Мне девятнадцать.

— Теперь не одно.

Ирса отложила нож. Возле печи висела медная кружка, исцарапанная по ободу. Арден помнил её в мостовой мастерской. Ирса пила из неё в те годы, когда заставляла его учиться спать по три часа и различать по звуку, какая опора просит клина. После передачи договора она забрала только кружку и нож. Всё остальное оставила ему вместе с мостом.

— Рассказывай с начала, — сказал Арден.

— Ты всё ещё распоряжаешься чужими разговорами, будто открываешь ворот.

— Тогда расскажи Нелю.

— А ты послушай. Тебе полезно.

Ирса поднялась, подошла к телеге и вытащила из-под сложенной стены плоский деревянный футляр. Один замок на нём был медный, второй железный, третий представлял собой простой узел из просмоленной нити.

Она поставила футляр перед Нелем.

— Открывай.

Нель не коснулся замков.

— Что я приму, если открою?

Ирса впервые улыбнулась.

— Хорошо выучен.

— Не отвечайте похвалой.

— Ничего не примешь. Футляр мой, содержимое моё, право прочесть даю тебе до рассвета. Держать его будешь на моём столе. Унести сможешь только копию, если сам её сделаешь.

— Почему до рассвета?

— Потому что после рассвета мы должны катить дом к мосту. Я не намерена оставаться на этом берегу ради вашей семейной ссоры.

Арден нахмурился.

— Нашей?

— Учитель, ученик и старая учительница. Хуже семейной ссоры бывает только совет наместника.

Нель развязал нить. Железный замок открылся от поворота обычного ключа, который Ирса достала из кармана. К медному она приложила ноготь, и на крышке проступили три слова: «Свидетель не должник».

Внутри лежали семь узких дощечек, свёрток бумаги и маленькая костяная пуговица. Нель узнал её сразу.

— С её плаща, — сказал он.

— С зимнего. Лада отдала пуговицу в залог лекарю, когда денег не осталось. Я выкупила её вместе с распиской.

— На какие деньги?

— На свои.

— Тогда почему расписка не сожжена?

Ирса вынула верхнюю дощечку. На ней мелко стояли даты, суммы и имена свидетелей.

— Потому что огонь не отменяет обещание, если оно уже услышано рекой. Бумагу можно сжечь. Смысл остаётся у того, кто дал, у того, кто принял, и у воды, если обещание произносили на переправе.

— Мать обещала лекарю?

— Нет. Она обещала обознику шесть зимних недель работы за место в тёплой телеге. Потом заболела сильнее и не смогла ехать. Обозник продал право требовать работу Ловту. Ловт прибавил цену лекарств, которых не давал. Я выкупила обе бумаги за настоящую сумму.

— И перевела долг на меня.

— Нет.

Ирса сказала это так резко, что пламя в печи дрогнуло.

— Тогда зачем вы привели меня к мосту?

— Потому что тебе было двенадцать, дом уже разобрали за долги, а родни в городе не осталось. Мостовой котёл кормил работников. Ардену нужен был ученик, хотя он об этом не знал. Ты три дня ходил за ремонтной артелью и поправлял им счёт досок.

— Вы сказали ему, что я способный.

— Ты был невыносимый и считал быстрее десятника. Это близкие вещи.

Нель не улыбнулся.

— Что вы сделали с обещанием матери?

Ирса развернула бумагу. В нижнем углу виднелось выцветшее пятно в форме лодочного весла. Над ним шли две строки старых букв.

— Я заплатила людям, которым она действительно задолжала. Но право на шесть недель работы уже успело пройти через переправу и прилипло к городскому переходу. Его нельзя было стереть. Я назвала встречную работу сама: шесть недель моего зимнего ремонта на мосту. Не твоего.

— Почему не рассказали?

— Потому что ты лежал с жаром и спрашивал, заберут ли тебя сборщики. Я сказала: долгов больше нет. Для тебя это было правдой.

— Неполной.

— Да.

Ирса не защищалась. От этого Нелю стало труднее сердиться. Он отвернулся к открытому краю дома. Внизу один из фонарей сборщиков остановился у телеги гончаров.

Арден взял бумагу за чистый край.

— Если ты отработала шесть недель, почему расписка у Савера?

— Потому что Савер купил не долг. Он купил бумагу, на которой долг когда-то был.

— Погашенную бумагу нельзя требовать снова.

— От человека — нельзя. От моста он пытается потребовать не деньги и не работу. Он показывает старую связь: мать, сын, переправа. А потом добавляет свою метку и надеется, что Омутник достроит смысл за него.

Нель повернулся.

— «Долг prepares преемника».

Ирса впервые посмотрела на шкатулку.

— Где ты это видел?

— На третьей серье. Рядом с моим именем и птицей Савера.

Ирса закрыла глаза.

Арден почувствовал прежний холод под лопаткой — там, где договор входил в тело двадцать один год назад. Ирса знала эту фразу. Не похожую. Эту.

— Говори, — сказал он.

— Не при открытом доме.

Она встала, подхватила снятую переднюю стену за край и кивнула им. Втроём они подняли щит с телеги, приставили к стойкам и забили два временных клина. Дом снова стал комнатой. Шорох реки приглушился, фонари исчезли.

Ирса закрыла заслонку печи и достала из сундука мостовой ключ.

Он был старше ключа Ардена, короче и темнее. На рукояти теснились насечки прежних лет. Последняя обрывалась на половине, словно резчик бросил работу.

— Договор не похож на расписку, — сказала Ирса. — Расписка связывает названную работу, вещь или срок. Договор Омутника связывает живого держателя и переход. Пока существует хоть один берег, с которого хотят уйти, и хоть один берег, куда хотят попасть, связь остаётся.

— Мы знаем, что её нельзя расторгнуть, — сказал Нель.

— Вы знаете слова. Не правило.

Ирса положила ключ поперёк ладони.

— У договора четыре части. Живой держатель. Путь, который он удерживает. Тот, кто получает путь. И встречная обязанность, за которую дух держит воду и опоры. Если вычеркнуть одну часть, остальные не исчезнут. Они ищут замену.

— Поэтому имя появилось до моего согласия? — спросил Нель.

— Поэтому мост ищет имя. Но поиск ещё не передача.

— Что считается передачей?

— Прежний держатель называет живого преемника. Преемник своим голосом принимает точно названную обязанность. Получающий путь подтверждает, что нуждается в переходе. Дух повторяет новые слова, а прежний держатель отдаёт знак — ключ, кровь или срок жизни. Только тогда запись переписывается.

Арден смотрел на её старый ключ.

— Ты не спросила моего согласия.

Ирса сжала пальцы.

— Спросила.

— Ты спросила, хочу ли я спасти город.

— И ты сказал да.

— Ты не сказала, что спасение города означает принять твоё место до смерти.

— Я назвала обязанность.

— После того как Омутник взял мой голос.

Нель перевёл взгляд с одного на другую.

— Значит, согласие можно получить обманом.

— Дух слышит слова, — ответила Ирса. — Не справедливость.

— А вы знали, что Арден не понимает цену?

Ирса долго молчала.

— Знала, что он понимает не всё.

Арден ожидал оправдания: вода поднималась, город застрял, люди гибли. Всё это было правдой. Ирса могла выстроить из правды крепкую стену.

Она не стала.

— Я боялась умереть на мосту, — сказала она. — И боялась, что без передачи он рухнет. Оба страха были настоящими. Я выбрала тот, который спасал меня вместе с городом.

Печь щёлкнула остывающим железом.

Нель взял костяную пуговицу матери и покатал её между пальцами.

— Савер хочет повторить это со мной.

— Лучше, — сказала Ирса. — Он хочет, чтобы вы сами повторили. Арден назовёт тебя ради города. Ты согласишься ради Ардена. Горожане подтвердят, потому что будут стоять у воды со своими домами. Саверу останется дать встречной обязанности казённое имя.

— И мост станет его?

— Мост не понимает владения так, как Савер. Но если в обязанности появятся слова «служить казне», Омутник станет исполнять их буквально. Казна будет определять, кто получает путь. А живой держатель — отвечать телом за каждое решение.

Арден положил ладонь на стол.

— Как не дать записи искать Неля?

— Никак.

Ответ прозвучал просто.

— Пока ты держатель, договор будет искать следующего живого человека. Ближе всего тот, кто учится твоей работе, касается ключа, отвечает мосту и стоит рядом, когда город просит путь. Ты сделал Неля пригодным.

— Я учил его ремонтировать мост.

— Для духа разницы мало.

— Тогда он уйдёт из смены, — сказал Арден.

Нель ударил пуговицей по столу.

— Нет.

— Это уберёт тебя от узлов.

— И оставит без ремесла, дома и права решать. Саверу даже делать ничего не придётся.

— Я не отнимаю у тебя ремесло.

— Ты только что решил, что я уйду.

Арден услышал собственные слова так, как услышал их Нель. Очередной запрет, произнесённый голосом заботы.

— Верно, — сказал он. — Решил. Не имел права.

— Быстро ты учишься, — заметила Ирса.

— Не отвечай похвалой.

Нель всё-таки усмехнулся, но сразу снова стал серьёзен.

— Есть способ переписать договор не на человека?

Ирса покачала головой.

— Преемник должен быть живым.

— Один человек?

— Так делали всегда.

— Я спросил не это.

Ирса провела ногтем по старому ключу.

— В старых словах сказано «живой держатель». Не «один». Но все переписи, которые я видела, называли одно имя. Дух требует голос, который может ответить, и тело, с которого можно взять цену.

— Город живой? — спросил Нель.

— Не начинай спорить с рекой загадками. Она отвечает на них утопленниками.

— Артель живая? Семья? Смена?

— Они состоят из живых людей, но меняются. Договор не любит того, что нельзя удержать одним именем.

Арден вспомнил шкаф Савера, сотни расписок, людей, сведённых к бумаге. Наместник пытался собрать город под одним именем — казна. Возможно, не только ради власти. Возможно, он тоже искал держателя больше человека.

— Если встречную обязанность разделить? — спросил Арден. — Один чинит опоры, другой платит лодочникам за закрытое течение, третий держит ночную смену.

— Тогда держатель всё равно отвечает за каждого.

— Если каждый примет только свою часть?

— Ты хочешь разрезать договор на сотни расписок.

— Нет. Оставить один переход и назвать много рук.

Ирса посмотрела на него внимательнее.

— Омутник может принять много рук как одну работу. Он принимает артель у каната. Но имя держателя до сих пор всегда было одно.

— До сих пор, — повторил Нель.

— Не радуйся дыре в знании. В неё обычно падают.

Снаружи постучали.

Три удара, пауза, ещё один. Сборщики.

Ирса убрала ключ в рукав. Арден закрыл футляр. Нель положил пуговицу поверх бумаг и сам затянул просмоленную нить.

— Ирса Вежа, — произнёс голос за стеной. — Казённая проверка переходных обязательств.

— Дом разобран, — ответила Ирса. — Приходите после сборки.

— Передняя стена стоит.

— Временно. Может упасть.

Человек за стеной отступил на шаг.

— Нам известно о расписке Лады Нор.

Нель побледнел, но остался сидеть.

— Лада Нор умерла семь лет назад, — сказала Ирса.

— Обязательство имеет наследника.

— Имеет погашение. Шесть зимних недель, отработанных мной. Свидетели названы в книге ремонта.

— Наместник просит предъявить книгу.

— Наместник знает, где мостовая мастерская.

— Тогда предъявите сына должника.

Арден встал.

Нель поднял ладонь, останавливая его, и подошёл к стене сам.

— Сын здесь, — сказал он.

Снаружи наступила тишина.

— Назовите себя для записи.

— Нет.

— Отказ будет отмечен.

— Отметьте, что живой человек отказался называться по чужой бумаге.

— Вы признаёте родство с Ладой Нор?

Нель посмотрел на Ирсу. Потом на Ардена.

— Я признаю её своей матерью. Не признаю её погашенную работу своей. Не принимаю службу, плату, срок и место на мосту. Не даю вам права связывать моё имя с вашей птицей.

За стеной закрипело перо.

Железная шкатулка на столе подпрыгнула.

Внутри забила серая метка.

— Заявление услышано, — сказал сборщик. — До решения наместника вы не сможете перейти.

— Решение о переходе принимает смотритель, — ответил Нель.

— Смотритель заинтересован.

Арден подошёл к стене.

— Верно. Поэтому утром условие услышит очередь. Если найдётся непогашенная работа Лады Нор, назовёте её перед свидетелями. Если нет, бумага Савера будет объявлена ложной меткой.

— Вы не судья казне.

— А Савер не судья мосту.

Снаружи посовещались шёпотом. Фонарь отделился, затем остановился у следующего дома.

Нель вернулся к столу.

— Они хотели, чтобы я назвал себя.

— Имя — половина узла, — сказала Ирса. — Поэтому завтра не отвечай на мосту ни на один вопрос, смысл которого тебе не ясен.

— А если люди окажутся между берегами?

— Тогда будет труднее.

— Полезный совет.

— Другого нет.

Арден открыл шкатулку ключом. Серая метка лежала птицей вниз. На верхней стороне проступили свежие слова: «Отказ не отменяет пригодности».

Нель прочёл их вслух и побледнел ещё сильнее.

Ирса взяла щипцы, вынула круг и положила на печную плиту. Металл зашипел. Птица проступила на обратной стороне, расправила крылья и попыталась перевернуться сама.

— Не сгорит, — сказал Арден.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Хотела проверить, умеет ли она чувствовать боль.

— И?

— Только хозяина.

Ирса сбросила метку обратно в шкатулку.

— Савер сделал её не для взыскания старых долгов. Старые долги дают ей дорогу к именам. Настоящая работа метки — собрать согласие по кускам: родство, нужду в переходе, прикосновение, ответ, полезную работу. По отдельности ни одно не означает передачи. Вместе дух может принять их за неё.

— Но вы сказали, преемник должен своим голосом принять обязанность, — сказал Нель.

— Должен. Поэтому Савер будет добиваться от тебя одного ясного «да». Всё остальное он готовит заранее.

— Значит, без моего «да» договора не будет.

— Без твоего — нет.

Арден услышал в голосе Ирсы то, чего не хотел слышать: облегчение. Так она когда-то убеждала себя, что его собственное «да» было достаточным.

— А если человек говорит «да», не зная всей обязанности? — спросил он.

Ирса посмотрела ему прямо в лицо.

— Тогда договор всё равно входит. Я живое доказательство вины, а ты — действия правила.

Нель закрыл шкатулку.

— Значит, выхода нет.

— Из старого договора — нет, — сказала Ирса. — Есть только следующая запись.

— Тогда нужно написать её так, чтобы она не стала чужой клеткой.

Арден посмотрел на ученика. Нель не просил защиты и не предлагал себя. Он говорил о работе, которую им предстояло сделать вместе.

— Сначала остановим метки, — сказал Арден. — Потом найдём слова.

— Не ты найдёшь. Мы.

— Мы.

Ирса вернула футляр под сложенную стену, но старый ключ оставила на столе.

— Утром я пойду с вами, — сказала она. — Покажу книгу зимнего ремонта и назову свидетелей.

— Савер обвинит вас в подмене записи, — сказал Нель.

— Пусть. Я умею быть виноватой, когда виновата. Попробую теперь не быть виноватой в лишем.

Они сняли переднюю стену и снова уложили её на телегу. До рассвета оставалось меньше двух часов. Над рекой тянулся низкий туман, мост в нём казался дорогой, оборванной посередине.

У третьей серьги вспыхнул серый огонь.

Даже отсюда Арден увидел птицу Савера. Она сидела рядом с двумя именами и клевала медную строку между ними.

Нель затянул ремень шкатулки на плече.

— Если договор всё равно ищет меня, я хочу знать каждое слово раньше него.

— Будешь знать, — сказал Арден.

Ирса взяла старый ключ.

— Тогда идём. До колокола надо успеть разбудить свидетелей, которых Савер ещё не купил.

Внизу сборщики переходили от дома к дому. Наверху первые рабочие уже катили к мосту тяжёлую платформу с целым домом. Его окна были заколочены, колёса вязли в мокрой земле, а над крышей висела белая полоса раннего холода.

Город двигался, будто никакого выхода ему и не требовалось.

Глава 6. Дом на колёсах

Дом тронулся к мосту ещё до утреннего колокола.

Он принадлежал семье Кроев и был слишком велик для одного перехода. Два этажа, печь из зелёного камня, лестница, шесть окон и резной конёк в виде лисьей головы — всё это поставили на двенадцать колёс и стянули четырьмя цепями. Обычно такие дома разбирали до балок. Старик Лем Крой отказался.

— Мой отец перевёз его целиком, — сказал он, шагая возле переднего колеса. — И дед.

— У твоего деда мост был на три локтя шире, — ответил Арден.

— Река та же.

— Река никогда не та же.

Лем сделал вид, что не услышал.

Платформу тянули восемь быков. Сзади толкали двадцать работников. На крыше сидели двое подростков и снимали ветки, задевавшие трубу. Из незаколоченного окна второго этажа выглядывала бабушка Кроев с горшком на коленях. Выходить она тоже отказалась.

Нель шёл перед левым колесом с мерной палкой. После ночи у Ирсы он не спал, но двигался точно. Железная шкатулка осталась запертой в мастерской, старый ключ Ирсы лежал у неё в рукаве, а книга зимнего ремонта — под плащом. Сама Ирса стояла у входа на мост и спорила со сборщиками долгов.

Они пришли втроём, с серыми сумками и новыми метками. За ними ждало полсотни семей. Люди хотели услышать, можно ли идти без птицы Савера.

— Можно, — сказал Арден так громко, чтобы услышала очередь. — Плата мосту называется до въезда. Никакая метка наместника не заменяет согласия.

Один сборщик поднял свиток.

— Наместник объявляет все прежние работы должников собственностью казны.

— Работа не вещь, — ответила Ирса. — Особенно ещё не сделанная.

— Погашение расписки Лады Нор не подтверждено.

Ирса открыла книгу на закладке.

— Шесть недель. Вот дни. Вот опоры. Вот подписи плотника, лодочника и городского счётчика. Двое свидетелей стоят в очереди, третий умер и не сможет продаться вашему хозяину.

По людям прошёл смех. Сборщик покраснел.

Арден не успел потребовать, чтобы спор перенесли с дороги. Передний бык дёрнул упряжь, дом Кроев качнулся и въехал на мост.

Третья серга вспыхнула.

Птица Савера ударила клювом по имени Неля.

Нель споткнулся, словно удар пришёлся ему в грудь, но сразу выровнял шаг.

— Не отвечай мосту, — сказал Арден.

— Я считаю колёса.

— Считай вслух без своего имени.

— Двенадцать колёс. Четыре цепи. Восемь быков. Один упрямый хозяин.

— Последнее к расчёту не относится, — проворчал Лем.

— Относится к нагрузке.

Дом прошёл первый бык. Доски под колёсами прогнулись и поднялись. Мост принимал вес медленно, передавая его от одной опоры к другой. Арден держал ладонь на перилах и чувствовал каждую передачу как давление на рёбра.

У второго быка левое заднее колесо скрипнуло.

Нель стукнул по ободу мерной палкой.

— Трещина у втулки.
— Она старая, — сказал Лем.
— Поэтому и трещина.
— Доедет.
— Сними верхнюю печную плиту, — приказал Арден.
— Не сниму. Печь сложена одним замком.
— Тогда высади людей.
Из окна высунулась бабушка с горшком.
— Сам высадись.

Арден посмотрел на Неля.

— Теперь я понимаю, откуда у семьи такой дом.

Нель не ответил. Он присел возле колеса, приложил ухо к ступице и поднял два пальца.

— Трещин две. Вторая свежая.

Арден велел остановить быков. Толкачи упёрлись в платформу, цепи натянулись. Дом замер между вторым и третьим быками. Под ним глухо стукнула вода.

Старый берег уже светлел. На востоке проступила тонкая жёлтая полоса, но солнце ещё не поднялось. За домом теснилась очередь, впереди мост был свободен.

— Подкатим запасное колесо, — сказал Лем.

— Под домом его не сменить.

— Поднимем домкратом.

— На мосту?

— Мой отец поднимал.

— Твой отец, кажется, нанёс этому городу больше вреда, чем половодье.

Лем обиделся, но спорить не успел.

Втулка лопнула.

Колесо не развалилось сразу. Оно просело внутрь, зажалось край платформы и потянуло дом влево. Быки шарахнулись. Передняя упряжь дёрнула правую сторону вперёд, толкачи сзади продолжили давить, не видя поломки. Дом повернулся поперёк моста.

Балкон второго этажа ударил в перила.

Каменная лисья голова на углу расколола стойку.

— Всем назад! — крикнул Арден.

Нель уже резал заднюю тягу. Освобождённые толкачи попадали друг на друга, но платформа перестала получать силу с двух сторон. Арден схватил переднего быка за кольцо и развернул морду к перилам. Животное хрипело, копыта скользили.

Дом накренился.

Из окна выпал горшок. Нель поймал его у самой доски.

— Бабушка! Спускайтесь!

— Там рассада!

— Рассада цела!

— Тогда подай обратно!

Середина моста опустилась на ладонь. Вода поднялась между досками тёмными пальцами.

Арден воткнул ключ в ближайшее гнездо.

— Омутник, вес назван. Дом Кроев, двенадцать колёс, зелёная печь, восемь быков, двадцать три человека.

— Двадцать четыре! — крикнул Лем. — В доме жена.

— Почему ты молчал?

— Она не хотела выходить.

Сверху распахнулось второе окно.

— Я собирала бельё! — сообщила госпожа Крой.

— Двадцать четыре человека, — повторил Арден. — Удержи названный вес до разгрузки. Река ответила ударом снизу.

Ключ повернулся сам и прижал пальцы Ардена к гнезду. На меди выступили слова: «Плата не названа».

— Четыре дня ремонта от семьи Кроев! — крикнул Лем.

— Не годится, — сказал Арден. — Вы и так обязаны чинить сломанное.

— Неделя!

— Мосту нужна опора сейчас.

Дом снова просел. Треснула ещё одна стойка. Очередь отхлынула на берег, но первые телеги уже не могли развернуться.

Нель передал горшок подростку и подполз к Ардену.

— Можно снять вес по частям. Людей на канаты, печь разобрать сверху.

— До рассвета не успеем.

— До рассвета осталось...

Он посмотрел на небо и замолчал. Жёлтая полоса стала белой. Первый край солнца мог появиться в любую минуту.

— Что изменится на рассвете? — спросил Нель.

Арден дёрнул ключ, но тот не вышел.

— Ночная вода уйдёт к новому берегу. Средний пролёт потеряет подъём.

— Почему этого нет в правилах смены?

— Потому что дома обычно не стоят поперёк.

— Полезное правило.

Ирса пробралась по краю моста. За ней шли Тая и двое лодочников с бухтами мокрого каната.

— Я привела тех, кто умеет спорить с водой не словами, — сказала Ирса.

Тая оценила наклон дома.

— Если тянуть с нового берега, сорвём балкон и половину стены.

— Стену можно собрать, — сказал Арден.

— Людей сначала вытащить.

Бабушка Кроев показалась на лестнице с горшком в руках. За ней шла госпожа Крой, неся корзину мокрого белья.

— Оставьте вещи! — крикнул Нель.

— Это простыни! — возмутилась госпожа Крой.

Тая сняла сапог и бросила в неё. Сапог ударил в корзину, бельё рассыпалось по лестнице.

— Теперь оставишь?

Госпожа Крой выругалась, но горшок у бабушки забрала. Нель натянул страховочный канат от окна к целым перилам. Сначала спустили обеих женщин, потом подростков с крыши. Лем уходить отказался.

— Без меня дом развалят.

— С тобой он развалится тяжелее, — сказала Тая.

Арден почувствовал, как вода отпускает низ опор. Мост вздрогнул. Ключ повернулся ещё на четверть.

На рукояти появилась новая строка: «Назови своё».

Ирса увидела её.

— Не смей, — сказала она.

— Другой платы он сейчас не примет.

— Примет дом.

— В доме люди и зимнее жильё семьи.

— Тогда опору.
— Опора и так его.
— Арден, не смей отдавать срок.
Нель посмотрел на них обоих.
— Какой срок?
Ирса молчала.
Арден ответил:
— Мой.
— Сколько?
— Сколько попросит.
— Нет.

Нель ухватился за ключ рядом с его рукой. Медь обожгла обоих. На запястье Неля вспыхнула тонкая строка «после Ардена».

— Убери руку! — сказал Арден.
— Мы договорились искать слова вместе.
— Не цену.
— Особенно цену.

Мост накренился ещё на палец. Из печной трубы посыпались кирпичи. Один пробил доску и исчез в воде.

Тая с лодочниками закрепляла канаты на дальнем быке. Люди на берегу тянули, но дом лишь скрипел. Сломанное колесо закусало между досками.

— Нужно выбить ступицу, — сказал Нель.
— Тогда угол платформы упадёт.
— Подложим балку.
— Балка не войдёт под весом.
— Если мост поднимет пролёт на ладонь?

Арден понял.

— На один вдох.
— Мне хватит.
— Нет.
— Опять?

— Это не запрет. Это расчёт. Ты не успеешь выбить ступицу и уйти до просадки.
— Тогда Тая бьёт, я кладу балку.

— Я умею бить, — сказала Тая, не оборачиваясь. — Особенно по чужой глупости.

Ирса встала возле Неля.

— Я положу балку. У меня руки короче, потеря меньше.
— Прекрасно, — сказал Арден. — Все решили, как погибнуть, кроме меня.
— Ты занят тем же, — ответил Нель.

Солнце коснулось края дальнего холма.

Река ушла из-под моста одним длинным движением. Опоры застонали. Средний пролёт просел так резко, что Арден ударился коленом о доски. Дом лёг балконом на перила, крыша качнулась над водой.

Ключ потребовал плату.

Не словами. Холод вошёл в ладонь Ардена, поднялся к локтю и остановился у сердца. Он увидел возможные меры: палец, голос, память об одном лице, год. Дух раскладывал человека так же, как семья раскладывала дом на стены и балки.

Арден выбрал год.

— Один год моей жизни, — сказал он. — Только за подъём среднего пролёта на одну ладонь и только до третьего удара молота. Не за договор Неля. Не за долг Лады. Не за право Савера. За дом Кроев и людей на мосту сейчас.

— Не принимай! — крикнул Нель реке.

Омутник ответил из-под досок:

— Год за ладонь. Три удара.

Ключ раскалился.

Ардену показалось, что солнце поднялось сразу на целую зиму. Волосы упали ему на глаза — одна прядь стала белой от корня до конца. Сердце пропустило удар, потом ударило слишком сильно.

Мост поднялся.

Не весь. Только средний пролёт, ровно на ширину ладони.

— Сейчас! — крикнул Арден.

Тая ударила кувалдой по ступице.

Первый удар.

Дерево раскололось, но железная втулка осталась в гнезде.

Ирса и Нель толкнули под угол платформы толстую балку. Она зашла наполовину.

— Ещё!

Второй удар.

Втулка вылетела, задела Тая по плечу и покатилась к краю. Лем бросился ловить её. Нель ударил его мерной палкой по голени.

— Дом лови!

Ирса легла на доски и обеими ногами продавила балку глубже. Платформа опустилась на неё.

— Тая!

Третий удар.

Тая попала не по колесу, а по концу балки. Та вошла под платформу до упора.

Мост рухнул вниз на отданную ладонь.

Дом качнулся и замер. Сломанное колесо осталось висеть над водой, угол платформы лежал на балке. Канаты с нового берега натянулись.

Арден попытался вынуть ключ.

Рука не послушалась.

Нель оторвал его пальцы от меди по одному. Кожа на ладони была цела, но ногти посинели. Белая прядь прилипла ко лбу.

— Смотри на меня, — сказал Нель.

— Я смотрю.

— Какой сегодня день?

— День, когда Лем Крой наконец разберёт дом.

— Арден.

— Двадцать восьмой до снега.

— Был двадцать девятый.

Арден оглянулся на Ирсу.

Она медленно покачала головой.

— Двадцать девятый, — сказала она. — Ты потерял не день календаря. Не пугай его.

Нель сжал челюсть.

— Что именно он потерял?

— Последний год, — ответила Ирса. — Дух возьмёт его с конца, если не найдёт другой меры.

— То есть мы не узнаем когда.

— Никто не знает когда.

Арден поднялся. Колени держали. Сердце билось ровно. Только в левом глазу появилась тонкая тёмная ветка и через несколько мгновений исчезла.

— Дом ещё на мосту, — сказал он.

Нель встал перед ним.

— Ты обещал не решать один.

— Решение длилось три удара.

— Этого хватило, чтобы назвать цену.

— Если бы я спросил, ты бы запретил.

— Да.

— Тогда мы потеряли бы людей.

— Или нашли бы другой способ.

— Времени не было.

Нель рассмеялся без веселья.

— Теперь эта фраза твоя? Когда ты скрывал имя, времени не было. Когда хотел выгнать меня из смены, времени не было. Когда отдал год, времени не было.

Арден хотел ответить, что всё различается. Имя, ремесло, падающий дом. Но во всех трёх случаях он оставлял себе право решать, где разговор уже роскошь.

— Ты прав сердиться, — сказал он.

— Я не хочу права сердиться. Я хочу, чтобы ты был жив.

Голос Неля сорвался на последнем слове. Он отвернулся и поднял мерную палку.

Лем Крой стоял у платформы, прижав ладонь к разбитой голени.

— Значит, разбираем? — спросил он.

Нель посмотрел на него так, что старик отступил.

— Сначала выведите всех быков. Потом снимите крышу, балкон, верхний этаж и зелёную печь.

— Печь нельзя разобрать.

— Тогда она останется в реке вместе с вашей родовой гордостью.

Бабушка Кроев подняла горшок.

— Разбирай, Лем. Отец твой был дурак.

— Ты говорила, он был смелый.

— Одно другому не мешает.

Работа началась сразу. Люди из очереди передавали по рукам черепицу. Подростки отвязывали конёк. Тая направляла канаты и ругалась каждый раз, когда кто-то вставал между натянутой верёвкой и водой. Ирса осталась у опоры следить за временной балкой.

Сборщики долгов попытались уйти.

Нель заметил их у ворот.

— Стоять!

Они обернулись.

— У нас распоряжение наместника.

— Вы получили путь к мосту вместе со всеми, — сказал Нель. — Теперь плата: два часа снимать черепицу.

— Мы казнённые служащие.

— Тогда назовите отказ при свидетелях.

Очередь смотрела на них. Один сборщик снял серую сумку и молча полез на лестницу. Двое последовали за ним.

Арден сел возле серги. Он собирался только перевести дыхание, но на миг закрыл глаза и увидел мост зимой. Пустой настил, белые перила, чужой человек с ключом. Лица не было.

Возможно, потому что будущего ещё не существовало. Возможно, потому что Омутник уже забрал кусок, в котором Арден мог бы его увидеть.

Нель поставил рядом кружку воды.

— Пей.

— Ты назначаешь смотрителю работу?

— Точно названную. Выпить кружку и не вставать, пока я не разрешу.

— Встречная обязанность?

— За то, что не свалишься под ноги.

Арден выпил.

К полудню верхний этаж лежал на старом берегу. К вечеру разобрали печь, причём зелёный замковый камень действительно пришлось расколоть. Лем отвернулся, когда это сделали. Нижнюю платформу выпрямили канатами и протащили на новый берег. Последней через мост перенесли лисью голову. Бабушка Кроев велела поставить её мордой к старому дому, чтобы помнила цену упрямства.

Переход возобновился с опозданием на девять часов.

Савер приехал после полудня. Он не стал мешать работе и не потребовал вернуть сборщиков. Только посмотрел на белую прядь Ардена, на временную балку и на Неля, который вёл книгу платы.

— Город опять спас один человек, — сказал наместник.

— Нет, — ответил Нель. — Один человек заплатил лишнее. Спасали семьдесят три.

Он показал страницу. Там были перечислены Крои, лодочники, люди из очереди и трое сборщиков. У каждого стояла конкретная работа и время. Ни одной серой метки.

Савер прочёл запись до конца.

— И всё же без цены Ардена мост бы не поднялся.

— Потому что договор устроен так, чтобы брать с одного.

— Иначе никто не отвечает.

— Сегодня отвечали семьдесят три.

— А год отдал один.

Нель захлопнул книгу.

Савер оказался рядом с Арденом.

— Казна возместила бы семье дом, — сказал он тихо.

— Из денег тех же семей.

— Но не из твоей жизни.

— В обмен на жизнь Неля позже.

— В обмен на порядок. Преемник всё равно понадобится.

Арден посмотрел на мост. У третьей серьги Нель проверял свежую подпорку. Птица Савера больше не клевала строку. Она сидела неподвижно, словно ждала.

— Именно это мы изменим, — сказал Арден.

Наместник проследил за его взглядом.

— До первого снега?

— До первого снега.

— Ты только что отдал год ради одного дома. Сколько лет останется после целого города?

Савер ушёл прежде, чем Арден придумал честный ответ.

Вечером Нель снял ключ с пояса наставника и положил на стол мастерской.

— Сегодня ты не работаешь ночью.

— У нас девять часов отставания.

— У нас семьдесят три человека, которые умеют снимать крышу и тянуть канат. Двенадцать из них согласились на ночную смену.

— Кто держит ключ?

— Никто. Переход закрыт до утра.

— Савер скажет, что зритель остановил город.

— Пусть. Лучше город постоит ночь, чем снова поедет на твоих годах.

Арден сел на койку. В жестяном зеркале над умывальником белая прядь казалась чужой ниткой, застрявшей в волосах.

— Нель.

— Что?

— Я не жалею, что поднял пролёт.

— Я знаю.

— Но жалею, что опять решил один.

Нель долго поправлял фитиль лампы.

— Завтра ты всё равно попробуешь.

— Наверное.

— Тогда завтра я опять буду мешать.

— Договорились.

— Это слово теперь опасное.

— Хорошо. Не договорились. Назвали встречные обязанности.

Нель фыркнул и бросил ему одеяло.

Снаружи люди разбирали остатки дома Кроев. Каждый удар молотка отзывался в мостовой мастерской. Арден считал их, пока не сбился и не уснул.

На столе ключ лежал отдельно от обоих.

Глава 7. Девятнадцать лет достаточно

Утром ключ лежал там же, где Нель оставил его вечером.

Арден заметил это прежде, чем открыл оба глаза. На столе остывала лампа, рядом стояла пустая кружка, а медный ключ пересекал тёмную доску, как стрелка на карте. Обычно он просыпался от его холода у бедра. Сегодня холод ждал отдельно.

За стеной мастерской гремели колёса. Ночная остановка кончилась без него.

Арден сел. Сердце отозвалось спокойно, зато в затылок вошла тупая боль. Белая прядь упала на лицо. Он заправил её за ухо и сразу разозлился — на волосы, на Омутника, на собственное тело за то, что оно послушно носило поставленную цену.

Дверь распахнулась. Нель вошёл спиной, волоча ящик с железными скобами.

— Проснулся, — сказал он, не оборачиваясь. — Хорошо. Значит, можешь написать, что получил ключ обратно добровольно.

— А я получил?

Нель поставил ящик у стены.

— Пока нет.

Он был в сухой рубаше, но волосы у висков намокли. Значит, уже лазил под настил. На запястье поверх вчерашних слов была намотана синяя тряпица.

— Что с мостом?

— Стоит. Временная балка держит. Крои нашли новое колесо и теперь спорят, можно ли сделать из зелёного замкового камня ступицу.

— Нельзя.

— Я сказал то же самое. Бабушка Кроев сказала, что вы оба ничего не понимаете в семейных вещах.

Арден встал. Пол не качнулся, ноги слушались. Это показалось почти оскорбительным: год жизни исчез, а утром всё выглядело привычно.

— Сколько платформ прошло?

— Шесть. Две бондарные, садовники, мастерская пуговиц, общий амбар и голубятня.

— Голубятня должна была идти после школы.

— Голуби решили иначе. Сорвались со старого берега вместе с телегой, когда мальчишки забыли подложить колодки.

— Кто удерживал первый пролёт?

— Я считал нагрузку, Ирса называла плату, Тая держала лодку у нижней опоры. Ключа никто не касался.

Арден посмотрел на стол.

— Без ключа нельзя вести переход.

— Шесть платформ утверждают обратное.

— Шесть лёгких платформ в тихую воду. Это не переход, а удачная случайность.

— Вчера семьдесят три человека были случайностью. Сегодня шесть платформ. Когда количество превращается в способ?

— Когда способ выдерживает плохой день.

— Тогда давай проверим его в плохой день.

Нель взял ключ и протянул Ардену. Тот потянулся, но ученик не выпустил рукоять.

— Сначала правило, — сказал Нель. — Ты не отдаёшь больше ни дня, ни пальца, ни памяти, не назвав цену при мне.

— А если тебя не будет рядом?

— При Ирсе или Тае.

— А если дом падает и есть три удара?

— Тогда решаешь. А потом не называешь это работой смотрителя, будто у тебя не было выбора.

Арден сжал ключ крепче.

— Ты хочешь управлять моей платой?

— Нет. Я хочу, чтобы ты перестал считать только моё согласие важным.

Несколько мгновений они держали медь вдвоём. Ключ оставался холодным. Река не вмешивалась в человеческий спор, пока ей не предлагали выгоду.

Арден разжал пальцы.

— Оставь его.

— Почему?

— Потому что мне нужно осмотреть балку без него.

Нель положил ключ на стол, уже не поперёк, а точно вдоль края.

— Это было почти согласие.

— Не привыкай.

Они вышли к мосту.

Листоград за ночь стал заметно меньше на старом берегу и теснее на новом. Там, где ещё вчера стоял дом Кроев, лежали пронумерованные балки, связки черепицы и половина зелёной печи. Нижний этаж уже катили к новому месту на восьми колёсах вместо двенадцати. Лем шёл рядом молча и не рассказывал, как перевозили дома его отец и дед.

Очередь начиналась от мостовых ворот, огибала разобранную красильню и терялась между домами. Над телегами торчали двери, кровати, ткацкие рамы, клетки с курами. Люди смотрели на белую прядь Ардена. Некоторые отводили глаза, другие кивали, словно он сделал им одолжение, о котором они просили.

Это раздражало больше всего.

У третьей серьги сидела Ирса. Перед ней лежали книга платы и три куска мела. Она записывала обещание семьи садовников: двое взрослых очистят решётки у нового берега до заката, подросток принесёт еду ночной смене. Рядом стоял городской счётчик и ставил свою подпись.

— Ключ принёс? — спросила Ирса.

— Нет.

— Значит, начинаешь уметь.

— Я пришёл осмотреть балку.

— Значит, не начинаешь.

Тая высунулась из-под настила.

— Не стой над головой. Либо полезай, либо отойди.

Арден лёг на доски и спустился по скобам. Под мостом пахло мокрым деревом, водорослями и свежей стружкой. Временная балка приняла край пролёта неровно. Один её конец сидел в каменном гнезде, второй опирался на связку коротких брусьев. При каждом тяжёлом колесе связка вздрагивала.

— До вечера не доживёт, — сказал Арден.

— Приятно слышать это от человека с новой белой прядью, — ответила Тая. — Балка доживёт. Брусья расплзутся.

— Нужен клин сверху и цепь вокруг опоры.

— Нель уже принёс скобы.

Сверху показалась его голова.

— Я слышу, когда обо мне говорят.

— Тогда спускайся, — сказал Арден. — Покажу, куда ставить цепь.

Нель шагнул на первую скобу. На его запястье под синей тряпицей проступил слабый медный свет.

Вода под ними остановилась.

Не вся река — только узкая полоса от третьей серьги до опоры. Листья замерли на ней, как приклеенные. Из глубины поднялся звук, похожий на вдох через закрытый рот.

Арден сразу понял, что случилось.

— Назад.

Нель замер.

— Я ещё не спустился.

— Подними руку.

— Зачем?

— Подними.

Нель поднял левую руку. Синяя тряпица вспыхнула изнутри. Нить на узле почернела и рассыпалась. На коже лежали вчерашние слова «после Ардена», но теперь от них тянулась новая тонкая линия к медной серьге.

Омутник сказал:

— Пригодный касается узла.

Голос шёл не из одного места. Его повторили вода, гвозди, цепь и пустое гнездо временной балки.

Арден поднялся по скобам так быстро, что содрал костяшки. Он схватил Неля за плечо и оттащил от перил.

— Я не касался серьги, — сказал Нель.

— Ты взялся за скобу, скоба в стойке, стойка держит узел.

— Тогда всё на мосту касается узла.

— Именно.

Арден подтолкнул его к воротам.

— С этого часа не подходи к серьгам, ключу, стойкам и опорам. Под настил не спускайся. Нагрузку не считай. Плату не записывай.

Нель высвободил плечо.

— Повтори.

— Ты слышал.

— Повтори так, чтобы все услышали.

Очередь притихла. Ирса закрыла книгу. Тая выбралась из-под настила и осталась сидеть на краю, свесив ноги над водой.

Арден чувствовал взгляд Саверовой птицы на серьге. Знак был неподвижен, но медная линия на руке Неля уже нашла дорогу.

— До тех пор, пока мы не поймём, как убрать метку, тебе запрещено касаться узлов моста и вести переход, — сказал Арден.

— Потому что мне девятнадцать?

— Потому что мост считает тебя пригодным.

— Ты тоже считаешь.

— Я учил тебя ремеслу.

— Семь лет.

— Не для этого.

— А для чего? Чтобы я умел всё, кроме того, что однажды понадобится? Чтобы в плохой день ты отдавал годы, а я стоял у ворот?

— Чтобы ты жил после меня.

Слова прозвучали громче, чем Арден хотел. Люди в очереди опустили глаза. Никому не нравилось слышать, что смотритель смертен, хотя белая прядь сообщала об этом без слов.

Нель не отвёл взгляда.

— После тебя — это когда?

— Не знаю.
— Омутник знает?
— Нет.
— Ирса знает?
— Нет.
— Тогда почему мою жизнь можно отложить до удобного тебе «после»?
— Я ничего не откладываю. Я не позволю вписать тебя в договор.
— Я вчера не просил вписывать. Я просил не решать за меня.
— А сегодня мост протянул к тебе строку из-за одной скобы.
— Значит, будем изучать строку.
— Нет.
— Почему?
— Потому что ошибка здесь длится до смерти.
Нель шагнул к третьей серье.
Арден преградил дорогу.
— Отойди.
— Я хочу посмотреть, где начинается линия.
— Я сказал нет.
— Ты не смотритель моего тела.
— Пока твоё тело пытаются сделать частью моего договора, я отвечаю за то, чтобы этого не случилось.
— Вот оно, — тихо сказала Ирса.
Арден повернулся к ней.
— Что?
— То самое доброе намерение, которым меня оправдывали двадцать один год. Я отвечала за город. Я отвечала за молодого ученика. Я одна знала цену. Поэтому могла решить, сколько правды тебе вынести.
— Я не обманываю Неля.
— Ты заменил ложь запретом. Разница есть. Но не такая большая, как тебе кажется.
Арден увидел, как люди слушают. Савер мог купить долги, но эту ссору ему даже покупать не пришлось. Они отдавали её сами, посреди очереди.
— Переход остановлен на четверть часа, — объявил Арден. — Всем отойти от третьей серьи.
— Переход не остановлен, — сказал Нель. — Первые два пролёта свободны, следующая платформа лёгкая.
— Нель.
— Что? Ты запретил мне считать нагрузку. Я посчитал до запрета.
Арден взял его под локоть. Нель не сопротивлялся, и от этого движение стало ещё хуже — не помощь и не борьба, а публичное удаление взрослого человека с его рабочего места.
У ворот Нель остановился.
— Мне девятнадцать лет.
— Я помню.
— Нет. Ты помнишь двенадцать. Мальчишку, которого Ирса привела после похорон. Ему велели есть, спать и не спрашивать о долгах. Он соглашался, потому что не знал, куда ещё идти. Но мне девятнадцать. Этого достаточно, чтобы самому отказаться. И достаточно, чтобы самому принять опасность, если я понимаю её предел.
— У этого договора нет понятного предела.
— Тогда объясняй, пока не будет.
— Я сам не понимаю его целиком.

— Значит, ищи вместе со мной.

— Я не дам тебе испытывать узлы на себе.

— Не дашь?

— Не дам.

Нель кивнул, будто услышал наконец не вспльчивую фразу, а окончательное решение.

— Тогда ищи один.

Он снял с пояса мерную палку. Семь лет Арден вырезал на ней зарубки: ширина колеса, безопасный прогиб доски, длина шага быка, высота весенней воды, предел трещины в сухом дубе. Последнюю зарубку Нель добавил сам вчера — одну ладонь, купленную годом.

Он положил палку на землю между ними.

— Это что значит? — спросил Арден.

— Что я исполняю запрет.

— Не устраивай представление.

— Ты объявил его при всём городе. Где мне исполнить — за сараем?

Нель расстегнул кожаный фартук, сложил и положил рядом с палкой. Потом снял связку малых ключей от инструментальных ящиков.

— Эти узла не касаются, — сказал Арден.

— Но принадлежат мостовой смене. Я больше не веду переход и не касаюсь того, что может привести к серье. Ты хотел ясное правило.

— Я хотел, чтобы ты был осторожен.

— Нет. Осторожность обсуждают. Запрет отдают.

Он ушёл вдоль старого берега, не к мастерской и не к дому Ирсы, а к лодочным причалам.

Тая спрыгнула с настила.

— За ним не пойду, — сказала она. — Если собираешься приказать.

— Я не собирался.

— Врёшь плохо.

— Переход стоит.

— Переход стоит четверть часа по твоему приказу. У тебя осталось двенадцать минут, чтобы понять разницу между зрителем и забором.

Она подняла мерную палку, провела большим пальцем по свежей зарубке и протянула Ардену. Он не взял.

— Оставь здесь.

— Чтобы все телеги переехали?

Арден поднял палку и фартук. Люди в очереди старательно занимались своими ремнями, колодками и курами. Но теперь они знали: мостовая смена раскололась.

И Савер узнает прежде полудня.

Ирса подошла к серье. Медная линия больше не тянулась к Нелю. На металле остался только знак птицы и два имени, одно под другим.

— Что он сделал неправильно? — спросил Арден.

— Взялся за скобу.

— Не это.

— Ничего.

— Он готов рассуждать о принятии договора, который убивает держателя.

— Он рассуждает о своём праве сказать и «да», и «нет». Тебе нравится только второе.

— Потому что второе оставит его в живых.

— Может быть. А твоё вчерашнее «да» кому оставило право спорить?

Арден посмотрел на белую прядь.

— Было три удара.

— Сегодня было больше.

Ирса открыла книгу платы.

— Четверть часа кончится. Что с платформой?

Арден заставил себя посмотреть на очередь. Следующей шла телега ткачих: разобранные станки, рулоны полотна, четыре женщины, двое мужчин, девочка с клеткой, в которой сидела старая серая кошка.

— Общий вес меньше вчерашнего садового воза, — сказал он. — Пусть входят по одному быку. На втором пролёте не останавливаться. Плата?

— Шесть часов штопать страховочные пояса. Добровольно названа всеми взрослыми. Девочка кормит кошку и ничего мосту не должна.

— Веди.

— Я?

— Ты назвала плату.

— А ты?

— Поставлю цепь на временную опору.

— Без Неля?

Арден взял ящик со скобами.

— Без Неля.

Он спустился под настил. Цепь оказалась тяжелее, чем вчера. Или руки ещё не вернули силу после отданного года. Тая молча помогла обнести её вокруг каменной опоры. Они работали в воде по пояс. Сверху медленно прошла телега ткачих, затем ещё две платформы.

Нель не вернулся.

К полудню Арден трижды поймал себя на том, что поворачивается позвать его. Некому было подать короткий пробойник. Некому проверить расчёт и заметить, что правая скоба войдёт в старую трещину. Тая заметила, но только после того, как Арден поднял молот.

— Это его работа? — спросила она.

— Была его очередь.

— Я не о смене. Я о том, что он видит твои ошибки раньше, чем ты успеваешь ими гордиться.

— Ты справляешься не хуже.

— Я беру дороже.

— Назови плату.

— Пойдёшь к нему до вечернего колокола.

Арден воткнул пробойник в целое место.

— Это не плата мосту.

— Это плата мне.

— За один совет?

— За то, что следующий дам до удара молота, а не после.

— Хорошо.

Тая подняла бровь.

— Повтори точно.

— До вечернего колокола я найду Неля и поговорю с ним.

— Не «прикажу вернуться».

— Поговорю.

— Река слышала.

Вода у их колен плеснула о камень. Арден не понял, шутила она или Омутник действительно принял ещё одно обещание.

После полудня пришёл Савер.

Он ехал без свиты, на узкой двухколёсной повозке, которая не требовала очереди. Однако у ворот сошёл и повёл лошадь рядом, показывая, что соблюдает общий порядок. Люди расступались перед ним не из уважения, а потому что на его поясе висели их расписки.

Савер заметил мерную палку у стены мастерской.

— Ученик заболел?

— Нет.

— Тогда почему его работу делает бывшая смотрительница?

— Потому что умеет.

Савер улыбнулся.

— Умеет. Но договор уже однажды отпустил её. Второй раз реке нужна молодая рука.

Арден встал между ним и третьей серьгой.

— Ты приехал переходить?

— Проверить казённый груз. И передать Нелю бумагу его матери.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист. Бумага была старой, с бурым пятном у края и красной нитью в сгибе.

— Погашенная расписка у Ирсы, — сказал Арден.

— Одна из расписок. У больного человека бывает больше одного долга.

— Отдай мне.

— Она адресована сыну.

— Ты купил бумагу, не человека.

— Именно это я и хочу ему объяснить. В отличие от тебя, я признаю его совершеннолетним.

Удар попал точно. Савер наверняка уже слышал утреннюю ссору.

— Ты признаёшь совершеннолетним всякого, с кого можно взыскать, — сказал Арден.

— Закон делает это без меня. Девятнадцать лет достаточно, чтобы отвечать по семейным обязательствам, наниматься на службу, голосовать на общем круге и принимать ремесленную присягу. Или мостовая смена живёт по своим годам?

— Девятнадцать лет достаточно, чтобы отказаться от твоей бумаги.

— Безусловно. Пусть откажется, прочитав.

Савер протянул лист. Арден не взял.

— Где он? — спросил наместник.

— Не твоё дело.

— Тогда я оставлю бумагу здесь.

— Не оставишь.

— Боишься, что он прочитает слова матери?

— Боюсь, что ты снова спрятал службу в складке.

Савер медленно развернул лист, держа его за края.

На бумаге были видны две строки, написанные выцветшими чернилами, и большая печать зимнего обоза. Арден не стал читать. Слова могли стать дорогой, если произнести их у моста.

— Убери, — сказал он.

— Я даже не прошу касаться.

— Убери бумагу от узла.

На третьей серьге птица расправила крылья.

Ирса захлопнула книгу платы.

— Он прав. Здесь не разворачивай.

Савер послушно сложил лист.

— Значит, вечером. Я найду Нелю сам.

Арден схватил его за запястье.

Наместник не отдернул руку. Только посмотрел сначала на пальцы Ардена, потом на белую прядь.

— Ещё один запрет? — спросил он. — Сегодня у тебя щедрый день.

Арден отпустил.

— Если подойдёшь к нему без свидетелей, бумага не будет иметь силы у моста.

— Это правило договора или твоё желание?

Арден не ответил.

— Вот поэтому он ушёл, — сказал Савер. — Ты произносишь желание голосом закона.

Повозка наместника прошла мост после казённого груза. Платой Савер назвал две новые цепи для опор и работу кузнеца до завтрашнего полудня. Обещание было точным и полезным. От этого оно нравилось Ардену ещё меньше: противник, который всегда лжёт, удобен. Савер умел иногда платить честно, чтобы его ложь принимали за ту же монету.

До вечернего колокола оставалось меньше часа.

Арден передал ключ Ирсе, не надевая его на пояс.

— Не отдавай срока, — сказала она.

— Это семейная привычка — повторять очевидное после ошибки?

— Нет. До ошибки ты не слушаешь.

Он пошёл к лодочным причалам.

Там Листоград выглядел другим городом. Мост делил реку прямой тяжёлой линией, а причалы принимали её изгибы. Лодки стояли носами в разные стороны. Сети сохли на шестах, бочки катились под ногами, на мелководье дети собирали сорванные течением щепки. Никто не оборачивался на белую прядь Ардена: лодочники видели, что река берёт с людей, и не удивлялись цене.

Нель сидел на перевёрнутой лодке и строгал весло.

Не мостовую деталь. Обычное весло из ясеня, с широкой лопастью. Стружка лежала у сапог светлыми кольцами.

Рядом стояла Тая. Она успела прийти раньше Ардена и теперь чинила сеть, делая вид, что их встреча случайна.

— Я обещал поговорить до колокола, — сказал Арден.

— Ещё не звонил, — ответила она. — У тебя есть время испортить всё дважды.

Нель не поднял головы.

Арден сел на соседнюю лодку. Между ними осталось три шага и куча стружки.

— Савер принёс новую расписку Лады, — сказал он.

Нож остановился.

— Какую?

— Не знаю. Я не дал развернуть её у серги.

— Правильно.

Одно слово принесло облегчение, которого Арден не заслуживал.

— Он хочет показать её тебе вечером.

— Пусть показывает при Ирсе и городском счётчике. Не у воды.

— Хорошо.

Нель снова провёл ножом по дереву.

— Это всё?

— Нет.

Арден посмотрел на весло. Лопасть получалась слишком толстой у края.

— Срежешь ещё — поведёт в воде, — сказал он.

Нель отложил нож.

— Если пришёл учить лодочному делу, Тая возьмёт двойную плату.

— Я пришёл сказать, что утренний запрет был...

Слово «неправильным» застряло. Запрет мог спасти Неля. Опасность никуда не исчезла. Медная линия доказала, что любое прикосновение даёт Омутнику новый ход.

— Был чем? — спросил Нель.

— Слишком широким.

Тая тяжело вздохнула.

— Первый раз испортил.

— Ты обещала только привести меня.

— Я надеялась на чудо.

Нель поднялся.

— Насколько сузишь? Разрешешь подметать мастерскую? Носить скобы, не глядя на них?

— Я не знаю, где проходит безопасная граница.

— И поэтому провёл её вокруг меня целиком.

— Потому что сегодня линия появилась от скобы.

— Я видел.

— Тогда чего ты хочешь?

— Чтобы ты спросил, чего хочу я.

Арден замолчал.

Нель ждал.

С причальной башни ударил вечерний колокол. Обещание Тае было исполнено: Арден пришёл и говорил. Но главного он так и не сделал.

— Чего ты хочешь? — спросил он после последнего звона.

— Узнать договор так же хорошо, как ты. Не принять его завтра. Не доказать, что я храбрее. Узнать. Проверять только то, на что я согласился после объяснения. И иметь право остановиться. А если однажды понадобится выбрать между городом и моей жизнью, я хочу быть человеком, который участвует в выборе, а не грузом, который ты перносишь подальше.

Арден смотрел на него и слышал сразу два голоса. Девятнадцатилетний Нель говорил ясно. Двенадцатилетний стоял семь лет назад у мастерской, держал мешок с двумя рубашками и делал вид, что не плакал на похоронах.

От второго голоса было труднее отказаться.

— Я не смогу дать тебе право касаться узлов, — сказал Арден.

— Тогда ты не спрашивал. Ты искал слова для своего «нет».

— Пока не найдём способ оборвать линию.

— Договор нельзя оборвать. Ты сам учил.

— Линию метки, не договор.

— А если не найдём?

Арден не ответил.

— До первого снега? — спросил Нель. — До твоей смерти? До моей седины? Сколько длится запрет без срока?

— Столько, сколько нужно.

Нель кивнул.

— Тогда мой ответ тоже без срока. Я не возвращаюсь в мостовую смену.

— Это Саверу и нужно.

— Нет. Саверу нужен послушный преемник. Тебе, похоже, тоже.

Арден встал.

— Не сравнивай.

— Почему? Он говорит: твой долг делает тебя пригодным. Ты говоришь: моя забота делает тебя недопущенным. Оба решаете, что моё слово мешает правильному делу.

— Я пытаюсь сохранить тебе жизнь.

— А я пытаюсь прожить её своей.

Нель взял недоделанное весло и пошёл к дальним лодкам. Арден мог догнать его за пять шагов. Мог приказать. Мог напомнить, что ученическая присяга ещё не снята, что город переходит, что рук не хватает.

Он не сделал ничего.

Тая смотала сеть.

— Второй раз испортил, — сказала она.

— Я не мог разрешить ему вернуться к серьге.

— Возможно.

— Тогда что я должен был сказать?

— Правду. Что боишься. Что не знаешь. Что запрет нужен тебе до утра, а утром вы решите снова. Заборы хороши, когда у них есть калитка.

— Ты стала мастером наставничества?

— Нет. Я стала мастером лодки. Если привязать её навечно, она сгниёт у причала, даже если верёвка спасает от течения.

Арден поднял с земли одну стружку. Она свернулась в почти замкнутое кольцо, но концы не сходились.

На мост он вернулся в темноте.

У третьей серьги горели две лампы. Ирса завершала запись последней платы. Мерная палка Неля всё ещё стояла у стены мастерской. Арден взял её и подошёл к узлу.

Имя Неля стало ярче.

Под ним появилась новая строка:

«Запрет хранит пригодного вне пути».

Арден прочёл молча. Омутник всё равно услышал.

— Доволен? — спросил он реку. — Я сам убрал его с моста.

Вода под досками ответила:

— Свободное место ждёт долга.

Птица Савера на меди раскрыла клюв.

Со старого берега донёсся голос наместника:

— Арден! Мы нашли свидетеля расписки Лады.

Арден сжал мерную палку. Свежая зарубка легла точно под большой палец: одна ладонь, один год.

Он понял, что утренним запретом не вывел Неля из договора. Он лишь оставил его одного перед следующим ходом Савера.

Глава 8. Долг матери

Свидетеля звали Горн Вечник, и он торговал памятью уже третий раз за осень.

В первый раз он вспомнил, что семья красильщиков обещала Саверу половину зимней выручки. Во второй — что покойный мельник согласился передать казне склад. Оба раза находились люди, слышавшие другое, но к тому времени долговая бумага уже лежала у наместника, а Горн получал место в первой трети очереди.

Теперь его платформа стояла у самых ворот моста, хотя ещё утром была за школой.

— Удобная память, — сказала Ирса. — Всегда вспоминает в сторону нового берега.

Горн поправил меховую шапку.

— Я стар. Старикам свойственно вспоминать поздно.

— И выгодно.

— Выгодно не утонуть со своим домом на старом берегу.

Они собрались не у серьги, а в пустом сарае канатчиков, в сотне шагов от воды. Городской счётчик Фер поставил на перевёрнутую бочку чернильницу, песочницу и две книги: долговую и переходную. Тая закрыла дверь со стороны реки. Нель стоял у дальней стены, всё ещё без фартука мостовой смены. Арден занял место рядом, но не слишком близко.

Савер пришёл последним. С ним были двое сборщиков и писарь с кожаной папкой. Наместник положил старую бумагу на бочку.

— Прежде чем читать, — сказал Фер, — назовем предмет спора. Не службу Неля, не право казны на мост и не место в очереди. Только обязательство Лады Нор, его исполнение и возможность перехода к наследнику.

— Хорошо сформулировано, — сказал Савер.

— Я ещё не закончил. Бумага не выносится к мосту, не прижимается печатью к книге перехода и не читается вслух у текущей воды. Слова записывает мой писарь. Каждый может остановить чтение, если услышит неназванное прежде условие.

— Ты опасаясь, что расписка укусит?

— Я опасаясь людей, которые прячут зубы в складках.

Фер посмотрел на Неля.

— Ты согласен присутствовать?

— Да. Только при этих условиях и только для чтения.

— Принимаешь долг заранее?

— Нет.

— Признаёшь Горна свидетелем заранее?

— Нет.

— Просишь Ардена отвечать за тебя?

Нель помедлил.

— Нет.

Арден почувствовал, как слово легло между ними. Оно было справедливым и всё равно болело.

Фер кивнул Саверу.

— Разворачивай.

Бумага оказалась не распиской в обычном смысле. На ней не было суммы, срока возврата или перечня вещей. Вверху стоял знак зимнего обоза — колесо с тремя спицами. Ниже рукой Лады были написаны две строки. Чернила выцвели, но буквы сохраняли её резкий наклон.

Нель шагнул ближе.

— Это её почерк.

Арден хотел спросить, уверен ли он, но удержался.

Писарь Савера прочёл:

— «За место в зимнем обозе обязуюсь после выздоровления провести больных через воду столько раз, сколько понадобится обозу. Если сама не смогу, мой дом не оставит больных без пути».

В сарае стало тихо.

Фер повторил медленно, отделяя слова:

— После выздоровления. Провести больных через воду. Столько раз, сколько понадобится обозу. Если сама не сможет, её дом не оставит больных без пути.

— Она не выздоровела, — сказал Нель.

— Поэтому исполняет дом, — ответил Савер.

— Какой дом? — спросила Ирса. — Доски? Крыша? Двенадцатилетний ребёнок?

— Дом как семья и хозяйство. Обычное слово в обязательствах.

Фер открыл долговую книгу.

— Обычное, но не точное. Здесь нет имени наследника.

Савер указал на последнюю строку.

— «Не оставит без пути». Нель — единственный член дома Лады.

— Был, — сказал Нель. — Дома больше нет. После похорон комнату забрал лекарь за последние порошки. Я жил у Ирсы, потом в мостовой мастерской.

— Дом не перестаёт быть домом от потери крыши.

— А долг не становится вечным от красивого слова, — сказала Тая.

Савер повернулся к Горну.

— Расскажите, при каких обстоятельствах Лада писала обещание.

Старик снял шапку и начал мять её в руках.

— Осенью было холодно. Ранний лёд. Обоз стоял у северной дороги, лошади падали.

Лада кашляла кровью, мальчик тоже болел.

Нель смотрел на бумагу.

— Я не болел.

— Маленький был, мог не помнить.

— Мне было двенадцать.

— Для старика все маленькие.

— Я не болел. Мать посадила меня в обоз, потому что думала, что умрёт в дороге и я останусь среди знакомых.

Горн облизнул губы.

— Возможно. Давние дни.

— Продолжай, — сказал Савер.

— Лекарь обоза не хотел брать её без платы. Денег не было. Тогда она пообещала семь лет служить на переправе. Вozить больных, чинить лодки, держать канаты. А если умрёт — мальчик доработает.

Фер положил палец на бумагу.

— Где здесь семь лет?

— Она сказала вслух.

— Где здесь служба на переправе?

— «Провести через воду».

— Где здесь «мальчик доработает»?

— «Мой дом».

Савер достал из папки второй лист, новый.

— Свидетельское толкование записано сегодня утром.

— Толкование не добавляет слов в обещание, — сказал Арден.

Нель посмотрел на него. Не с благодарностью — скорее проверяя, не продолжит ли он отвечать вместо него.

Арден замолчал.

— Горн, — сказал Нель, — ты был в обозе всё время?

— Был.

— Какую работу делал?

— Считал мешки и места.

— Значит, у тебя должны быть записи.

— Сгорели зимой.

— Где стоял обоз, когда мать писала?

— У северной дороги.

— У какого знака?

— Возле сосен.

— Там нет сосен. Северная дорога идёт через мокрый луг. Сосны у западного тракта.

Горн нахмурился.

— Двадцать дорог менялись.

— Листоград меняет берег, не горы. Я ездил туда прошлой зимой.

Савер поднял ладонь.

— Ошибка в деревьях не отменяет присутствия свидетеля.

— Нет, — сказал Нель. — Но показывает цену памяти.

Ирса вынула из рукава погашенную расписку Лады и положила рядом. На ней значились лекарства, тёплое место в повозке и шесть зимних недель работы. Внизу стояли отметки Ирсы, плотника, лодочника и самого Фера.

— Вот то, за что требовали плату сразу после её смерти, — сказала Ирса. — Я исполнила. Почему про семь лет никто не сказал тогда?

Горн надел шапку.

— Не вспомнил.

— Семь лет не вспомнил семь лет?

— Вспомнил, когда увидел знак обоза у Савера.

— Сколько он тебе заплатил?

— Ничего.

Тая открыла дверь сарая. Снаружи была видна платформа Горна у самых ворот.

— Ничего весом с дом.

Старик покраснел.

— Мне дали место по возрасту.

— Перед школой, больничной телегой и тремя семьями с младенцами?

— Наместник распределяет казённую очередь.

— На мосту нет казённой очереди, — сказал Арден.

Савер улыбнулся.

— Поэтому я и предлагаю её создать.

Фер стукнул пером о бочку.

— Не уходим от предмета. Горн получил выгоду за свидетельство?

— Мне обещали пропустить платформу сегодня, — признал старик. — Но я сказал правду.

— Возможна и правда за плату, — сказал Фер. — Только вес её меньше.

Он записал признание в долговую книгу.

Савер не выглядел расстроенным. Он и не рассчитывал выиграть одним свидетелем. Бумага была нужна ему как крючок, а спор — как рука, которая вгоняет крючок глубже.

— Допустим, семь лет не записаны, — сказал он. — Остаётся обязанность провести больных через воду столько раз, сколько понадобится обозу. Обоз существует. Больные существуют. Лада не исполнила ни одного перехода.

— Она умерла до выздоровления, — ответил Нель. — Обязанность начинается после выздоровления.

— Условие невозможно выполнить из-за её смерти, потому действует следующая строка о доме.

— Следующая строка говорит «не оставит больных без пути». Она не говорит, что дом обязан сделать всё сам.

— Ты толкуешь в свою пользу.

— Ты тоже.

Нель взял чистый лист у Фера и положил рядом с бумагой матери.

— Назовём исходный предел. Мать получила одно место в одном зимнем обозе. Взамен обещала после выздоровления помогать больным этого обоза пересекать воду столько раз, сколько обозу понадобится. Она не выздоровела. Дом обещал не оставить больных без пути. Сколько больных из того обоза сейчас ждут переправы?

Савер посмотрел на Горна.

— Обозная книга сгорела, — сказал тот.

— Значит, ты не знаешь.

— Люди болеют каждый год.

— Но не всякий больной — тот, кому обещала мать.

Фер кивнул.

— Верно. Получатель обещания должен быть определен.

Савер коснулся красной нити в сгибе.

— Договоры с рекой помнят получателей лучше бумажных книг. Можно спросить у Омутника.

Арден понял ловушку раньше остальных.

— Нет.

Нель резко повернул голову.

— Мы не понесём бумагу к мосту, — продолжил Арден. — И не станем читать её у воды.

— Я не предлагаю читать, — сказал Савер. — Достаточно, чтобы наследник спросил: кому обещан путь?

— Наследник ничего не спросит.

— Я сам отвечу, — сказал Нель.

Арден стиснул зубы.

— Тогда отвечай.

— Я не понесу бумагу к мосту. Но не потому, что ты запретил. Потому что мы ещё не знаем, что именно она связывает, а Омутник пользуется неточными словами.

Фер записал и это.

Нель продолжил:

— Сначала найдём больных или их семьи. Найдём другие записи обоза. Лекаря, возниц, людей, которые получили места в ту зиму. Если мать обещала им путь, я не оставлю их без пути. Но путь — не семь лет службы Саверу и не пожизненный договор с мостом.

— Ты признаёшь наследование обязательства, — сказал наместник.

— Нет. Я признаю, что покойная мать могла оставить живых людей с неисполненным обещанием. Я готов узнать, нужна ли им помощь. Это моё решение, а не твоя собственность.

Савер придвинул к нему новый лист.

— Запишем решение.

— Не твоей рукой.

Нель взял перо Фера.
Арден шагнул вперёд.
Ирса наступила ему на сапог.
— Стой, — прошептала она.
— Он собирается подписать.
— Смотри, что именно.

Нель написал: «Я, Нель Нор, согласен разыскать получателей пути, названных в обещании Лады Нор зимнему обозу, и спросить, остались ли они без обещанной помощи. Я не принимаю денежный долг, срок службы, мостовую должность или договор с речным духом. Поиск не означает признания требования Савера».

Фер прочёл запись вслух.

— Срок поиска? — спросил он.

— До первого снега, — сказал Нель. — Если обозные записи найдутся раньше, до их проверки.

— Кто оплачивает поиск?

— Я сам.

— Нет, — вмешалась Тая. — Лодочные семьи помогут. Обещание про путь через воду касается нас не меньше моста.

— Это добровольно? — спросил Фер.

— Да. Два человека на три дня. Не больше.

Ирса добавила:

— Я отдам копии своей книги зимнего ремонта и имена тех, кто тогда работал.

Фер вписал помощь отдельными строками.

— Теперь подпись.

Нель подписал.

Чернила остались обычными. Бумага не нагрелась, вода за стеной не ответила. Арден впервые за день выдохнул.

Савер взял свидетельское толкование Горна и порвал пополам.

— Семь лет пока оставим, — сказал он.

— Не «пока», — возразил Фер. — Требование семи лет не подтверждено.

— Запиши как хочешь. Но поиск приведёт Неля к реке. Получателей пути окажется больше, чем он думает.

— Ты уже знаешь кто они? — спросил Нель.

— Я знаю, как долго люди помнят обещанную помощь.

Наместник сложил старую бумагу и убрал в папку.

— Оригинал остаётся у держателя требования. Копию получите завтра.

— Копию сейчас, — сказал Фер.

— Писарь сделает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.